

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА ГОДЪ:

Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки . . . 12 р.
» съ доставкою . . . 13 р. 50 к.
» съ пересылкою . . . 15 р.
Въ Москвѣ (у книгопродавцевъ Соловьева и
А. Ланга), безъ доставки . . . 13 р.

І ГОДЪ. ТОМЪ І № 11.
12 МАРТА 1869 г.

Журналъ **ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ** выходитъ ежене-
дѣльно въ форматѣ большаго двойнаго листа въ 16
страницъ.

Орденъ св. Анны
БИБЛИОТЕКА СССР
им. В. И. ЛЕНИНА

ГЛАВНАЯ КОНТОРА РЕДАКЦІИ

ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦІИ

НАХОДИТСЯ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,
САДОВОЙ УЛИЦѢ, ВЪ ДОМѢ
ИЛЬИНА, № 16.

СОДЕРЖАНИЕ: Ея Императорское Высочество Государыня Цесаревна Марія Теодоровна. — Внутренняя и внѣшняя политика. — Внутренніе извѣстія. — Политическая общественная сходка въ Аѳинахъ. — Корреспонденція изъ Кіева. — Западная жизнь. — Обзоръ журналовъ. — Изъ записокъ кавказскаго офицера. — Гаварни. — Фельетонъ, петербургская жизнь. — Кафе-концертъ въ Парижѣ. — Успѣхи наукъ и цивилизаціи. — Шахматная задача № 7. — Объявленія.

РИСУНКИ: Ея Императорское Высочество Наслѣдница Цесаревна Марія Теодоровна. — Блюдо, на которомъ была поднесена хлѣбъ-соль, отъ С.-Петербургскаго Городскаго общества, Ея Императорскому Высочеству Наслѣдницѣ Цесаревнѣ, при ея въѣздѣ въ Петербургъ въ 1866 г. — Солонка къ этому блюду. — Политическая общественная сходка въ Аѳинахъ. — Шесть видовъ Сѣвернаго Дагестана. — «Конькобѣжецъ», рисунокъ Гаварни. — Внутренность кафе-концертъ «Ба-Такланъ», въ Парижѣ. — Фасадъ концертнаго кафе «Ба-Такланъ».

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО,

ГОСУДАРЫНЯ ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ
ЦЕСАРЕВНА

Марія Теодоровна.

Съ именемъ юной супруги Государя Наслѣдника, для русскаго народа связывается особое, отчасти легендарное представленіе, въ высшей степени чистое, свѣтлое и отрадное. Простодушный, но чуткій на многія особенности, пропускаемые людьми образованными, простолюдинъ уже давно окрестилъ Великую Княгиню Марію Теодоровну именемъ «желанной» и вполне убѣжденъ, что сама судьба, съ самой колыбели, судила ей въ будущемъ ея нынѣшнее высокое положеніе и любовь русскаго народа. Когда, оплаканная всею страной, потеря перваго жениха Принцессы Дагмаръ, повидимому уничтожала вѣроятность появленія «ясной зорьки» на невскихъ берегахъ, — народъ не вѣрилъ этой грустной вѣроятности и настойчиво пред-рекалъ бракъ Принцессы съ новымъ наслѣдникомъ престола, еще въ то время, когда, по обстоятельствамъ, о такомъ бракѣ не могло быть начато и рѣчи. Помолвка ее съ Великимъ Княземъ Наслѣдникомъ Александромъ Александровичемъ была встрѣчена всеми, какъ нѣчто всеми ожидаемое и должное, и радость, возбужденная прибытіемъ Ея Королевскаго Высочества въ

Ея Императорское Высочество Наслѣдница Цесаревна Марія Теодоровна.

(Съ фотографіи Левицкаго).

Россію была радостію народа, достигшаго, наконецъ, желанной имъ цѣли.

Ея Императорское Высочество Государыня Великая Княгиня-Цесаревна Марія Теодоровна—

вторая дочь Короля Датскаго Христіерна IX-го, до своего перехода въ православіе, носила имя Маріи-Софії-Фредерики-Дагмаръ. Она родилась 26 Ноября 1847 года и слѣдовательно въ настоящее время ей идетъ 22 годъ отъ роду. Принцесса Дагмаръ (это имя значитъ по датски «заря»), воспитывалась въ дѣтствѣ при довольно скромной, сравнительно, обстановкѣ. Отецъ ее, бывшій въ то время принцемъ Глюксбургскимъ, только въ 1852 году былъ провозглашенъ наслѣдникомъ Датскаго престола, на который онъ вступилъ въ 1863 году послѣ смерти послѣдняго короля Ольденбургской династіи, Фридриха VII-го. Въ Ноябрѣ 1864 года принцесса Дагмаръ была помолвлена за Великаго Князя-Цесаревича Николая Александровича, а весною 1865 года въ Ниццѣ, простилась съ своимъ августѣйшимъ женихомъ у его смертнаго одра. Ровно черезъ годъ, весною 1866 года, принцесса была помолвлена съ новымъ Наслѣдникомъ Русскаго Престола, Великимъ Княземъ Александромъ Александровичемъ и въ половинѣ Сентября, именно 17 числа, она совершила свой торжественный въѣздъ въ столицу Россіи. Этотъ день, и послѣдовавшая за нимъ недѣля до сихъ поръ памятна каждому жителю Петербурга, по необыкновенно ясной, совершенно лѣтней по-

годъ, составлявшей совершенно непривычное явление въ нашемъ климатѣ. Народъ прозвалъ эти семь дней «Дагмариной недѣлей» и вполне убѣжденъ, что погода именно потому и была такъ непривычно хороша, что исполнилось наконецъ заветное желаніе Россіи и «желанная» юная Принцесса попала-таки на берега Невы.

Съ первыхъ же дней прибытія Ея Королевскаго Высочества, повсюду стали ходить самые радостные толки о томъ, что юная невѣста Наслѣдника Престола обнаруживаетъ особую привязанность ко всему русскому, тщательно изучаетъ нашъ языкъ и вообще старается вполне освоиться съ своею новою національністю. Радостно праздновала вся Россія день свадьбы Государя Наслѣдника и съ тѣхъ поръ не перестаетъ радоваться и умиляться на юную чету, на которой покоятся всѣ ея будущія надежды. Любовь народа къ Цесаревнѣ нынѣ получила уже вполне сознательный характеръ. Она основана на глубокомъ убѣжденіи, что молодая Великая Княгиня сдѣлалась вполне русскою въ душѣ и горячо принимаетъ къ сердцу все касающееся до русскаго народнаго дѣла, вполне разделяя всѣ стремленія и симпатіи своего августѣйшаго супруга. Съ рожденіемъ перваго сына Великая Княгиня Марія Теодоровна сдѣлалась еще дороже (если это только возможно) для народа, который всегда съ особенною задушевностію приветствуетъ ее при встрѣчѣ на улицахъ и до сихъ поръ толпами ожидаетъ cadaго ея выѣзда изъ Аничкова Дворца.

ВНУТРЕННЯЯ И ВНѢШНЯЯ ПОЛИТИКА.

9 Марта 1869 г.

Эпоха оживленія нашей внутренней политики, дѣятельность которой обыкновенно почти совсѣмъ прекращается передъ масленицей — еще не настала. Первые шесть дней поста, продолжался почти полный политическій застой и все ограничивалось нѣкоторыми, впрочемъ довольно рѣдкими слухами... Мы, конечно, не знаемъ на сколько справедливы подобные слухи, но врядъ-ли ошибемся, если скажемъ, что съ ними находится въ несомнѣнной связи неестественное повышение цѣнъ на билеты двухъ первыхъ лотерейныхъ займовъ. Повышеніе это за послѣднія двѣ-три недѣли приобрѣло какой-то судорожный характеръ. Отъ биржи до биржи билеты лотерейныхъ займовъ повышались въ цѣнѣ сразу на нѣсколько рублей. Въ настоящую минуту они достигли уже (по третьягодневшему курсу) 182—182½ рублей, несмотря на то, что на этой недѣлѣ происходилъ тиражъ 2-го займа, послѣ котораго билеты обыкновенно нѣсколько падаютъ въ цѣнѣ.

Это странное явленіе знающіе люди объясняютъ биржевыми продѣлками. Они утверждаютъ, что биржевые капиталисты, приобрѣтшіе за послѣднее время большое количество билетовъ двухъ лотерейныхъ займовъ, искусственно повышаютъ цѣны до такихъ размѣровъ, чтобы при продажѣ большаго количества билетовъ въ іюнѣ мѣсяцѣ цѣны на нихъ все-таки не упали до невыгодной для спекуляторовъ нормы. Утверждаютъ, будто во всей этой биржевой продѣлкѣ разыгрываетъ главную роль недавно устроившаяся въ Петербургѣ «маленькая биржа» (*petite bourse, coulisse*), являющаяся въ видѣ собранія биржевыхъ маклеровъ въ одномъ изъ здѣшнихъ извѣстныхъ отелей. Собранія эти, какъ рассказываютъ, предшествуютъ нѣсколькими часами официальнымъ собраніямъ на биржѣ, и на нихъ-то условливаются биржевики въ своихъ дѣйствіяхъ, имѣющихъ цѣлью вліять въ данномъ направленіи на нашъ финансовый рынокъ.

Слухи о дѣятельности здѣшней «маленькой биржи» основаны, какъ намъ извѣстно, на положительныхъ фактахъ, и ея существованіе служитъ несомнѣннымъ указаніемъ весьма прискорбнаго вліянія лотерейныхъ займовъ на наши финансовые права. Не будь билетовъ этихъ займовъ, приобрѣтающихъ особенную привлекательность отъ своего лотерейнаго характера —

биржевой ажіотажъ въ такихъ чудовищныхъ размѣрахъ былъ бы невозможенъ... Намъ кажется, что это довольно краснорѣчиво говоритъ въ пользу непріятія въ третій разъ для внутренняго займа тѣхъ пріемовъ, которые придали билетамъ первыхъ двухъ займовъ столь *опасный* и *вредный* характеръ, *опасный* потому, что колебаніе цѣнъ на нихъ можетъ быть причиною сильныхъ убытковъ для неопытныхъ спекулянтовъ, *вредный* потому, что покупка по немѣренно-возвышеннымъ цѣнамъ пяти-процентныхъ облигацій отвлекаетъ капиталы отъ другихъ бумагъ, приносящихъ такіе же проценты и приводитъ въ неподвижное состояніе громадныя суммы, которыя могли бы обращаться на другія предпріятія. Допустивъ, что изъ 2 милліоновъ сторублевыхъ билетовъ 1-го и 2-го займа, только одна десятая часть, т. е. 200 тысячъ перепроданы въ настоящую минуту по 180 р. (среднимъ числомъ) мы получимъ, что 16 милліоновъ рублей народнаго капитала, переплоченные на повышеніе цѣнъ съ 100 р. на 180, лежатъ непроизводительно, принося своимъ владѣльцамъ ничтожный процентъ, такъ какъ на эти билеты все таки выдается только 5% номинальной цѣны...

Въ иностранной политикѣ тоже продолжается затишье. Всѣ международные интересы какъ то отступили на задній планъ и вниманіе Европы сосредоточивается исключительно, хотя и не особенно сильно, на франко-бельгійскомъ спорѣ по вопросу о желѣзно-дорожныхъ концессіяхъ.... Въ послѣдніе дни этотъ споръ принялъ нѣсколько менѣе напряженный характеръ. Какъ французское, такъ и бельгійское правительства обнаруживаютъ нѣкоторую готовность къ уступкамъ и кажется болѣе всего заботятся нынѣ о томъ, какъ бы имъ выйти изъ этого усложненія безъ ущерба для своего достоинства. Французская офиціозная печать уже нѣсколько дней возвышаетъ на всѣ лады о состоявшемся будто бы между Брюсселемъ и Парижемъ соглашеніи, но это кажется пока мѣсть еще только *ria decideria* французскаго правительства, а вовсе не совершившійся фактъ, потому что Бельгійскіе журналы съ своей стороны не упоминаютъ ни о чемъ подобномъ. Несомнѣнно только одно, это что французскій посланникъ при дворѣ короля Леопольда II-го, виконтъ де-ла Героньеръ возвратился въ Брюссель съ какими то новыми предложеніями и что на этотъ разъ глава бельгійскаго министерства, г. Фреръ-Орбанъ выслушалъ его довольно снисходительно и не уничтожилъ, какъ въ первый разъ, рѣзкимъ отказомъ возможности дальнѣйшихъ переговоровъ.

Трудно еще опредѣлить, какую именно роль играло во всемъ этомъ посредничество Англіи, но что такое посредничество было — это уже нынѣ официально извѣстный фактъ. Королева Викторія обращалась съ собственноручными письмами и къ императору Наполеону и къ королю Леопольду и предлагала имъ свои услуги, въ качествѣ третейскаго судьи. Неизвѣстно только еще какъ было принято это предложеніе и какія оно будетъ имѣть послѣдствія.

Тѣмъ не менѣе, вмѣшательство Англіи въ Франко-Бельгійскій споръ, само по себѣ, имѣло важное политическое значеніе. Вмѣшательство это указываетъ на фактическое начало того переворота въ политикѣ Сентъ-Джемскаго кабинета, приближеніе котораго съ нѣкоторыхъ поръ предсказываютъ нѣкоторые англійскіе журналы... Извѣстно, что со времени Датской войны, Англія совершенно устранилась отъ всякаго вмѣшательства въ континентальную политику и сразу, добровольно отрелась отъ своей прежней роли въ Европѣ. Что именно побудило къ этому великобританскихъ государственныхъ людей — до сихъ поръ неизвѣстно, но какова бы ни была причина подобнаго устраненія, она, въ настоящее время оказывается по видимому несостоятельною, потому что въ англійской журналистикѣ ежедневно раздаются все громче и громче го-

лоса, требующіе возвращенія къ прежнему порядку вещей, къ тѣмъ еще нигдѣмъ незабытымъ временамъ, когда голосъ Англіи властно раздавался, на международныхъ совѣтахъ и вліяніе ее играло одну изъ первыхъ ролей въ рѣшеніи cadaго международного вопроса. Какъ это сдѣлать, какими средствами снова захватить въ свои руки добровольно уступленное — англійскіе публицисты не объясняютъ, но кажется, что требованія ихъ не остались безъ отголоска въ правительственныхъ сферахъ, потому что только этимъ и можно объяснить неожиданное вмѣшательство Сент-Джемскаго кабинета въ Франко-Бельгійскій споръ.

Если этотъ первый шагъ удастся, если дѣйствительно Англія выйдетъ изъ своего уединеннаго положенія, то въ политикѣ Европы можетъ произойти довольно замѣтный переворотъ и по многимъ причинамъ надо полагать, что переворотъ этотъ будетъ къ лучшему. Съ тѣхъ поръ какъ Сентъ-Джемскій кабинетъ пересталъ принимать участіе въ континентальной политикѣ, политика эта, направляемая исключительно, сначала Наполеономъ III-мъ, а потомъ Бисмаркомъ, получила крайне неблагоприятный для европейскаго мира характеръ. Это сдѣлалось особенно замѣтно послѣ окончанія Пруско-Австрійской войны. Съ этого времени водворилось въ Европѣ всеобщее безпокойство и постоянное опасеніе европейской войны. Участъ Европы стала зависѣть почти исключительно отъ замысловъ двухъ честолюбцевъ. Съ такимъ порядкомъ вещей давно пора кончить и Англія можетъ это сдѣлать своимъ вмѣшательствомъ, если только она, отбросивъ прежнія традиціи своей исконной политики, пойметъ, что для успѣха ей необходимо заручиться дружбою и содѣйствіемъ державъ, не принимающихъ прямого участія въ франко-пруссскихъ усложненіяхъ, т. е. Россіи и Италіи. Дѣйствуя за одно съ С.-Петербургскимъ и Флорентинскимъ кабинетами, англійское правительство можетъ сдѣлать много хорошаго для Европы и возвратитъ себѣ, при самыхъ выгодныхъ условіяхъ, свое прежнее вліяніе на нее, но для этого нужно прежде всего, чтобы въ Лондонѣ совершенно измѣнился взглядъ на восточный вопросъ и чтобы тамъ поняли, что съ прорытіемъ Суэзскаго канала для Англіи вовсе нѣтъ уже прежней нужды поддерживать турецкое владычество на Балканскомъ полуостровѣ.

Императоръ и Императрица Австрійскіе продолжаютъ свое путешествіе по Хорватіи, но какъ мы и предсказывали въ прошлый разъ, эта поѣздка не приноситъ ровно никакихъ политическихъ результатовъ. Хорваты, да и вообще австрійскіе славяне не измѣняютъ своихъ отношеній къ Австро-Венгерскому правительству и еще на дняхъ, на праздникъ тысячелѣтняго юбилея просвѣтителя славянъ Кирилла въ Вѣнѣ, хорватъ Томичъ громко и сверхъ того на *нѣмецкомъ языкѣ* высказался въ пользу идеи панславизма и нравственнаго главенства Россіи надъ славянскими племенами, и эти смѣлыя заявленія были встрѣчены общимъ восторгомъ всѣхъ присутствовавшихъ. Что ни дѣлай министерство Бейста-Андраси, какъ оно ни старается приманивать конституціонными миражами «австрійскіе народы» — это ему никакъ не удастся до тѣхъ поръ, пока въ Вѣнѣ не поймутъ необходимости принять въ серьезное вниманіе желаній и національныхъ стремленій славянскаго большинства, — а такъ какъ ничего подобнаго нельзя ожидать отъ нынѣшняго нѣмецко-мадьярскаго министерства, то всѣ поѣздки Императора Франца-Иосифа по славянскимъ землямъ не приведутъ ровно ни къ чему.

Испанскія дѣла все не подвигаются впередъ. Временное правительство съ необыкновеннымъ усердіемъ отдала подъ разными предлогами рѣшеніе вопроса объ окончательной формѣ правленія, а между тѣмъ кандидатура герцога Монпансье все болѣе и болѣе приобретаетъ себѣ сторонниковъ. Большинство журналовъ высказывается уже нынѣ въ пользу этой кандидатуры. Въ Хересѣ и Кадиксѣ снова вспыхнули возстанія, о которыхъ пока мѣсть еще ничего не извѣстно подробно, такъ что даже нельзя опре-

дѣлать, къ какой партіи принадлежали инсургенты.

На Востокъ—полное, хотя, конечно, временное затишье. Кандійское возстаніе окончательно усмирено и даже снята блокада съ острова Кандіи. Посмотримъ на долго-ли...

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Сѣверо-западный и Юго-западный край.

— Киевскій, подольскій и волынский генералъ-губернаторъ, генералъ-лейтенантъ князь Дюдоковъ-Корсаковъ, 1-го сего марта прибылъ въ г. Киевъ и вступилъ въ управленіе вѣренными ему краемъ.

Желѣзные дороги.

— Работы по росто-таганрогской линіи, по словамъ «Бирж. Вѣд.», идутъ успешно; въ ноябрѣ дорога будетъ кончена.

— Такъ какъ разрѣшеніе концессій на постройку желѣзныхъ дорогъ приостановлено правительствомъ на извѣстное время, то ходатайство Херсонскаго земства о выдачѣ концессіи на постройку желѣзной дороги отъ правительственной Кременчугско-Елисаветградской линіи до Николаева, съ вѣтвью на Херсонъ, не могло въ настоящее время достигнуть цѣли, и депутатъ земства принужденъ былъ ограничиться присканіемъ капиталовъ, которые могли бы быть готовы къ тому времени, когда можно будетъ получить концессию. Несмотря на многія затрудненія, пишутъ въ «Одесскомъ Вѣстникѣ», г. Эрдели успѣлъ въ этомъ и составилъ компанію изъ лицъ не только обладающихъ капиталами, но и компетентныхъ въ дѣлѣ сооруженія желѣзныхъ дорогъ.

— По словамъ «Биржевыхъ Вѣдомостей», на дняхъ въ главномъ комитетѣ желѣзныхъ дорогъ будетъ разсматриваться вопросъ о направленіи Шуйско-Ивановской желѣзной дороги къ рѣкѣ Волгѣ, внесенный на разсмотрѣніе комитета по Высочайшему повелѣнію. Изъ нѣсколькихъ проектовъ рѣшенія этого вопроса (предполагается строить дорогу: 1) на Юрьевецъ, 2) на Кинешму, 3) прямо на Костромѣ и 4) на Нерехтѣ), «Биржевыя Вѣдомости» рѣшительно становятся на сторону предложенія депутата костромскаго городского общества, М. А. Сыромятникова—продолжить Шуйско-Ивановскую желѣзную дорогу чрезъ городъ Нерехтѣ къ Костромѣ, соединивъ въ то же время Нерехтѣ съ Ярославлемъ.

— Изъ Вологды, отъ 24-го февраля, въ ту же газету пишутъ, что тамъ на дняхъ получено губернаторомъ письмо отъ компаніи ярославской желѣзной дороги съ просьбой о доставленіи официальныхъ статистическихъ свѣдѣній относительно грузовъ и вообще движенія отъ Вологды до Ярославля. Кромѣ того, компанія ярославской дороги спрашиваетъ, согласны-ли будутъ землевладѣльцы отдать безвозмездно землю, которая отойдетъ подъ желѣзную дорогу отъ Ярославля до Вологды. Корреспондентъ находитъ, что лучше было бы вести дорогу съ Вологды не на Ярославль, а на Рыбинскъ.

— Въ 48 № «Прав. Вѣстн.» напечатанъ Высочайше утвержденный 31-го января 1869 г., уставъ общества Козловско-Воронежской желѣзной дороги.

Судебная Лѣтопись.

— Защитникъ *Дары Соколовой*, г. Ординъ, подалъ кассационную жалобу, а прокуроръ Роде—протестъ на приговоръ С.-Петербургскаго Окружнаго суда.

— Статсъ-секретарь Глѣбовъ, въ царствованіе Екатерины, приобрѣлъ покупкой у башкирцевъ, на границѣ нынѣшнихъ Пермской и Оренбургской губерній, участокъ земли, съ такимъ обозначеніемъ: отъ извѣстнаго урочища на 50 верстъ кругомъ. На этомъ центрѣ и былъ устроенъ имъ заводъ, который черезъ нѣсколько и покупкой дошелъ къ границѣ де-Рошефоръ. Теперь она отыскиваетъ всей земли на 50 верстъ кругомъ отъ своего завода. На этой площади находится въ настоящее время нѣсколько городовъ и много богатыхъ заводовъ, какъ казенныхъ, такъ и частныхъ. Если графиня выиграетъ дѣло, то будетъ имѣть право велѣть снести все эти города и заводы, если они не выкупятъ у нея земли. Дѣло это, по словамъ «Судебнаго Вѣстника», слушалось въ 2-мъ Общемъ Собраніи Сената, согласно Высочайше утвержденному мнѣнію государственнаго совѣта. Дѣло, считавшееся безнадежнымъ, теперь кажется принимаетъ благоприятный для де-Рошефоръ оборотъ. Искъ этотъ оценываютъ въ 60 милліоновъ.

— По дѣлу о похищеніи, изъ экзекуціи государственныхъ бумагъ, бумаги, приготовившейся для отпечатанія кредитныхъ билетовъ (см. № 7 «Всем. Илл.»), состоялся слѣдующій приговоръ: Ветковъ признанъ виновнымъ въ похищеніи, которое онъ совершилъ по подговору Фролова, Фроловъ признанъ виновнымъ въ подговорѣ и дѣйствовавшимъ въ порученіи сыскаго полиціи. Судъ на основаніи приговора присяжныхъ постановилъ лишить обоихъ всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжную работу—Веткова на 4, а Фролова на 8 лѣтъ, но въ виду особыхъ обстоятельствъ дѣла, ходатайствовалъ у Его Императорскаго Величества о смягченіи участи подсудимыхъ чрезъ замѣну каторжной работы заключеніемъ въ рабочемъ домѣ перваго на 1, а втораго на 1½ года.

— *Плотицкое дѣло*. По первымъ извѣстіямъ, у Плотичина было спрятано 40 м., (потомъ эта цифра уменьшилась до 14 м.), и наконецъ и эту сумму, по послѣднимъ извѣстіямъ, прихотился уменьшить въ четыре раза. Далѣе, г. Плотичинъ былъ объявленъ скопомъ. Теперь «Судебн. Вѣст.» извѣщаетъ, что результаты медицинскаго осмотра, произведеннаго директоромъ медицинскаго департамента, тайнымъ совѣтникомъ Неликаномъ, тамбовскимъ медицинскимъ

инспекторомъ Зедергольмомъ и акушеромъ Маріевскимъ, показали, что ни Плотичинъ, ни его воспитанникъ и предполагаемый наслѣдникъ Зеляпукинъ не оскоролены. Далѣе, изъ 16-ти женщинъ, подвергнутыхъ освидѣтельству, 10 оказались въ нормальномъ состояніи, безъ всякихъ механическихъ поврежденій. Четыре женщины, въ числѣ ихъ и Татьяна Плотичина, представляютъ очевидные слѣды такого нагноительнаго процесса, который послѣдовалъ вѣдѣствіе поврежденій, нанесенныхъ въ давнее время. Одна женщина, А. Д., 35-ти лѣтъ, замужняя, оказалась имѣющей на грудяхъ слѣды разрывовъ; слѣды эти представляютъ правильныя линіи, и ихъ невозможно признать за послѣдствія нарывовъ, какъ старалась объяснить осматриваемая. Изъ которыхъ ненормальности состоянія грудей женщины И., 70-ти лѣтъ, слѣдуетъ признать послѣдствіемъ ихъ старческой атрофіи.

Несчастные случаи.

— 27-го февраля на одессо-балтской желѣзной дорогѣ почтовый поѣздъ соскочилъ съ рельсовъ близъ Одессы. Къ счастью при этомъ не было ни убитыхъ ни раненыхъ.

— По словамъ «Пр. Вѣстн.», въ новгородской губ. въ прошломъ году лѣса горѣли въ 9 уѣздахъ; всѣхъ пожарныхъ случаевъ было 840; выгорѣло лѣсу 1.834.390 дес.; на сумму 672.233 р.

Выставка.

— На 23-е февраля, было назначено открытіе во Владимірѣ постоянной выставки мануфактурныхъ и заводскихъ произведеній, устроенной въ одной изъ залъ губернской гимназіи.

Погода.

— «Волыскія Губ. Вѣд.» сообщаютъ: По всему видно, что нынѣшняя зима выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ. Вмѣсто обычной февральской погоды, сопровождаемой вьюгами и метелями—за что февраль встарѣ именовался *лотымъ*—вотъ уже болѣе двухъ недѣль сряду стоитъ погода совершенно апрѣльская; бывали дни, въ которые въ полдень реомъ термом. показывалъ 11 град. тепла, а къ утру довольно порядочный заморозокъ—выходить не *лето, и не зима*. Въ городѣ все нѣтъ снѣгу, а по слухамъ и на поляхъ его мало; мѣстами и въ уѣздахъ санная ѣзда испортилась; нѣкоторые хозяева уже выгоняютъ скотъ не для одной только прогулки.

— Дѣлѣръ совершенно очистился отъ льда 25-го февраля; пароходы открываютъ рейсы 15-го марта.

— 17-го февраля ревальскій рейдъ совершенно очистился ото льда.

Некрологи.

— 27-го февраля, скоропостижно скончался въ Москвѣ сенаторъ, заслуженный и просвѣщенный писатель, князь Владиміръ Федоровичъ Одоевскій. Весьма многое связано съ именемъ покойнаго, и многое онъ унесъ съ собою въ могилу, пишутъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Съ нимъ прекратилась старѣйшая отрасль рода князей Рюриковичей, съ нимъ угасъ одинъ изъ послѣднихъ представителей пушкинской литературной эпохи. Въ домѣ его встрѣчались люди всѣхъ званій и состояній, одинаково радушно принимаемые привѣтливымъ хозяиномъ. Можно сказать, что покойный былъ однимъ изъ самыхъ общественныхъ людей въ Москвѣ. За исключеніемъ времени, посвящаемаго сенату и служебнымъ занятіямъ, его весьма часто можно было видѣть на публичныхъ лекціяхъ, въ музеяхъ, на концертахъ, на репетиціяхъ новыхъ оперъ, на частныхъ музыкальныхъ собраніяхъ, въ литературныхъ кругахъ; вездѣ, гдѣ люди собирались во имя науки или искусства, можно было навѣрно встрѣтить князя Владиміра Федоровича.

Въ слѣдующемъ № «Всемірной Иллюстраціи» мы дадимъ портретъ покойнаго.

— 27-го февраля скончался въ Петербургѣ, послѣ кратковременной болѣзни, адъютантъ-профессоръ Императорской Академіи Художествъ Александръ Егоровичъ Бейдеманъ. По словамъ «Русскаго Инвалида» причиной смерти Александра Егоровича была рана, нанесенная ему въ голову упавшими со стѣны его мастерской гипсовыми фигурами.

— «Русскій Инвалидъ» сообщаетъ, что 1-го марта скончался въ С.-Петербургѣ генералъ отъ инфантеріи Ермолай Карловичъ Фридрихъ, на 90-мъ году жизни и 73-мъ году службы. Ермолай Карловичъ принималъ участіе въ войнѣ со шведами 1797 года и 1809 года, въ компаніи 1807 года противъ французовъ и въ турецкой войнѣ 1810 года. Съ 1820 года онъ былъ комендантомъ города Павловска.

— Сергій Калонинъ, бывшій издатель журнала «Зритель» и авторъ статей, помѣщавшихся въ разныхъ журналахъ + въ Миланѣ 27 ноября 1868 г.

— Въ субботу, 22-го февраля, скончался въ Петербургѣ хромотографъ Правительствующаго Сената и Императорской Публичной Библіотеки Игнацій Ивановичъ Полонскій, приобрѣвшій здѣсь значительную и вполне заслуженную извѣстность своими мастерскими работами по литографскому дѣлу. Послѣднимъ окончательнымъ трудомъ его былъ образъ Иисуса Христа, изображеннаго имъ вполне согласно описанію римскаго сенатора Лентула, современника Спасителя. Полонскому было съ небольшимъ 40 лѣтъ.

Общественное здравіе.

— На островѣ Эзелѣ показалась одновременно въ разныхъ, далеко отстоящихъ другъ отъ друга, селеніяхъ оспа; смертность не значительна.

— Въ началѣ февраля показалась въ Егорьевскомъ уѣздѣ Рязанской г. тифозная горячка.

Школы и библіотеки.

— При Кишеневской гимназіи учреждены двѣ стипендіи почетнаго гражданина Анастасія Чуфли, по 265 р. каждая.

— «Нижегородскія Вѣдомости» сообщаютъ, что проектъ устава Кулибинскаго ремесленнаго училища недавно представленъ на утвержденіе правительства.

— «Правительственный Вѣстникъ» сообщаетъ, что 19-го февраля въ Псковѣ совершилось открытіе ремесленнаго училища, основаннаго въ память событія 4 апрѣля 1866 г. мѣстнымъ обществомъ и цеховыми мастерами. Въ настоящее время въ училище это, по незначительности его средствъ, принято только 10 мальчиковъ.

— Въ «Виленскомъ Вѣстникѣ» пишутъ, что въ декабрѣ прошлаго года Виленская публичная бібліотека получила въ даръ бібліотеку, оставшуюся послѣ тайнаго совѣтника А. А. Прокоповича-Антонскаго и состоящую изъ 4.772 томовъ книгъ, брошюръ и временныхъ изданій. Изъ нихъ большинство на русскомъ языкѣ и представляетъ богатый, во многомъ рѣдкій, матеріалъ для исторіи русскаго просвѣщенія конца прошлаго столѣтія и первой четверти текущаго, — просвѣщенія, въ которомъ А. А. Прокоповичъ-Антонскій занималъ столь важное мѣсто.

Разныя извѣстія.

— Въ Москвѣ учреждена вспомогательная касса типографовъ. Всѣ занимающіеся типографскимъ дѣломъ могутъ быть членами общества. Капиталы общества раздѣляются на а) неприкосновенный, б) вспомогательной кассы, в) вдовьей кассы. Значеніе ихъ ясно изъ названія. Общество выдаетъ пособія и пенсіи, въпомоществованія на похороны, пособія на выкупъ отъ рекрутства.

— Въ Вяткѣ предполагается устроить новый театръ.

— Въ январѣ 1869 года с.-петербургскою полиціею задержано въ столицѣ за прошеніе милости разнаго званія лицъ и доставлено въ комитетъ, Высочайше учрежденный для разбора и прирѣшенія нищихъ, 347 чело. (227 муж. и 120 жен.).

— Въ Херсонѣ публичные лекціи физики, читаемыя два раза въ недѣлю, привлекаютъ многочисленную публику, преимущественно *дамъ и дворянъ* (болѣе половины мѣстъ занято ими).

— Государь Императоръ утвердилъ мнѣніе Государственнаго Совѣта, объ отпускѣ въ пособіе С.-Петербургской Консерваторіи ежегодно по 15 т. руб.

Политическая общественная сходка въ Аѣинахъ.

Право сходокъ существуетъ въ Греціи въ полной силѣ, также какъ въ Англіи. Тамъ дозволяется во всякое время собираться въ публичныхъ мѣстахъ для обсужденія общихъ интересовъ, но только съ тѣмъ условіемъ, чтобы все происходило покойно и никто-бы не имѣлъ при себѣ оружія. Такимъ образомъ въ Аѣинахъ собираются подъ открытымъ небомъ и слушаютъ ораторовъ, которые хотя и рѣдко обладаютъ даромъ демосоеновскаго краснорѣчія, но все воодушевлены патріотизмомъ и говорятъ довольно недурно.

Обыкновенно публичныя сходки собираются на площади Конституціи, противъ королевскаго дворца; на недостроенной площади Варвакіона, публичной школы, основанной однимъ частнымъ лицомъ, какъ и большая часть аѣинскихъ общественныхъ учреждений; собираются также и на Кафетин, площади кофеенъ;—на перекресткѣ улицы Еола и улицы Ристалища, на Площади Согласія, которая преобразовывается въ садъ и на университетской площади.

Нашъ рисунокъ представляетъ политическую сходку на университетской площади, во время недавней турецко-греческой распри. Вдали видно зданіе университета, одно изъ лучшихъ зданій, выстроенныхъ въ недавнее время въ новыхъ Аѣинахъ. Впереди представлена группа молодыхъ людей, окружающихъ оратора. Онъ говоритъ объ опасностяхъ угрожающихъ отечеству, о несправедливостяхъ Англіи и Франціи, о надеждѣ на скорый переворотъ въ политикѣ этихъ державъ, о необходимости быть твердыми и преданными дѣлу эллиновъ. Почти все эти молодые люди—студенты университета. Многіе изъ нихъ уроженцы греческихъ провинцій, находящихся въ турецкомъ подданствѣ: они стремятся оттуда въ Аѣины, которыя представляютъ собою центръ просвѣщенія для всего Востока.

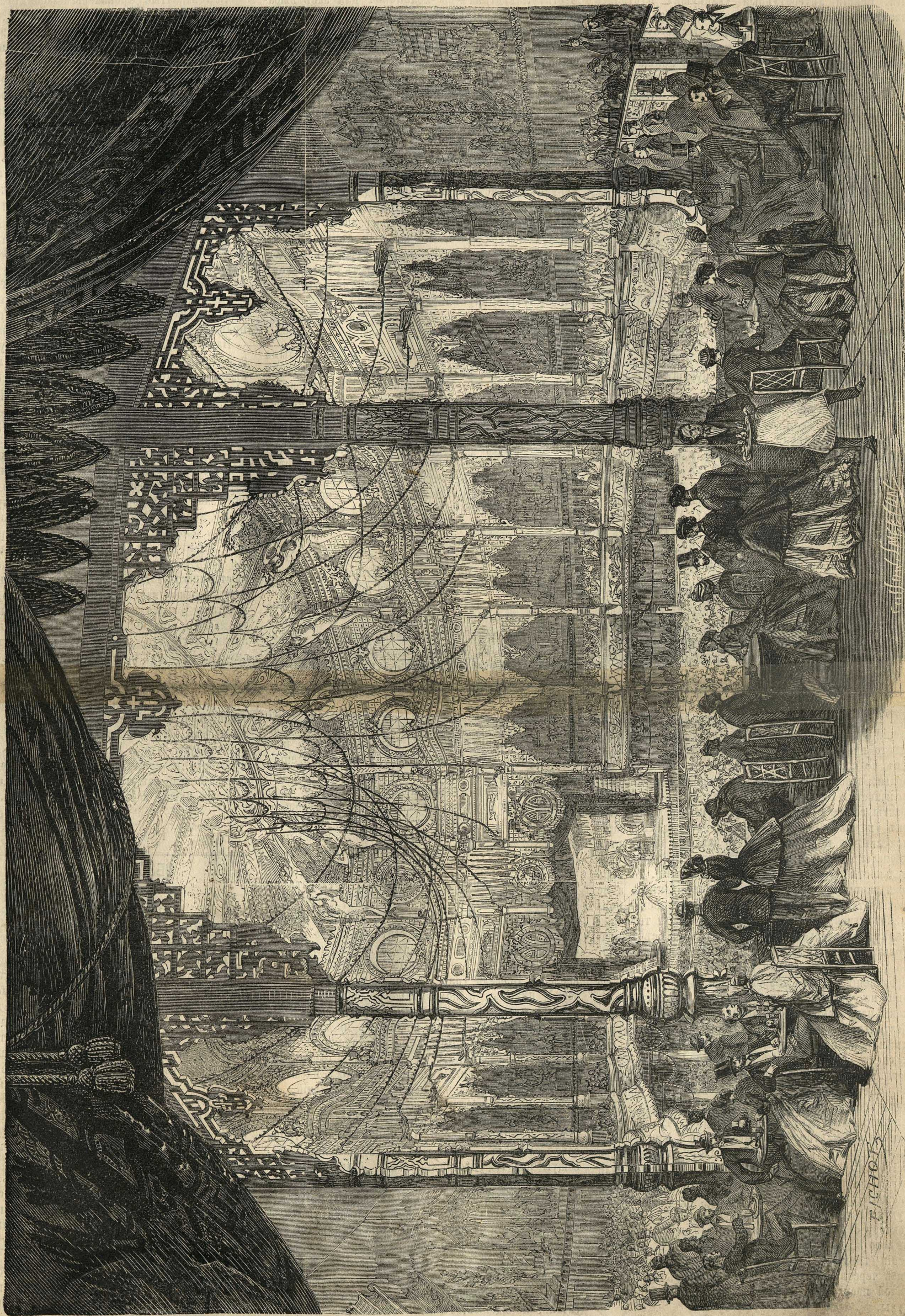
Подобныя рѣчи ораторовъ аѣинскихъ митинговъ болѣе всего дѣйствуютъ на этихъ прѣзжихъ провинціаловъ. У нихъ еще свѣжи все воспоминанія о бѣдствіяхъ ихъ семей, оставленныхъ ими на родинѣ въ состояніи рабства. Они помнятъ еще ужасныя сцены: пожары родныхъ селъ, звѣрство башибузуковъ, рѣзню въ пылающихъ домахъ, бѣгство въ горы, однимъ словомъ все ужасы, которыми полна исторія греко-турецкихъ провинцій за послѣдніе годы, въ которые сотни греческихъ семействъ были истреблены турками.

Публичныя политическія сходки получили осо-

Внутренность Кафе-Концертъ „Ба-Тутанъ“, въ Парижѣ.

пяти многозначительных строчек. И что же? Раздались восторженные похвалы, цѣлостныя завыванія. Всякія литературныя «кликуніи» пустились взапуски причитывать на могилѣ покойнаго... А давно-ли изъ разныхъ норъ выползали букашки и козявки и бросали грязь въ того-же самаго поэта и гражданина? Давно-ли? Когда маѣ пришлось говорить на столбахъ «Инвалида» о брошюрѣ, гдѣ Ламартина оправдывали передъ судомъ общественнаго мнѣнія, Парижъ былъ еще полонъ «букашекъ и козявокъ» плевавшихъ на того, кого народъ, на своемъ образномъ жаргонѣ, называлъ «Іоанномъ Златоустомъ» — «Saint Jean Bouche d'Or». Еслибъ Ламартинъ не преисполненъ былъ благодушія и всепрощенія, въ продолженіи всей своей жизни, съ какимъ правомъ могъ бы онъ крикнуть на всѣхъ политическихъ и литературныхъ шавокъ возгласомъ Шекспировскаго Коріолана:

Но онъ молчалъ и добивалъ свою старость подъ разрушительнымъ гнетомъ неустаннаго труда. Для кого? Для кредиторовъ!...

Буржуа, въ родѣ папѣ Бенуатона, разбогатѣвшіе отъ фабрикаціи какихъ-нибудь «sommiers élastiques», звонять и до сихъ поръ, что расточительность достойна наказанія, что нечего жалѣть человѣка, который прожилъ огромное состояніе и явился передъ государствомъ и обществомъ въ рубищѣ Велізарія, попрошайки, разореннаго нищаго!

Буржуа, конечно, правы! Еслибъ разные папѣ Бенуатоны не свели концовъ съ концами, они-бы преспокойно объявили себя несостоятельными. Ихъ расточительность не можетъ найти оправданія въ ихъ личности, въ ихъ талантахъ и доблестяхъ. Они, все равно, что купчиха-вдова въ «Не сошлись характерами» Островскаго: безъ денегъ ктожъ ихъ возьметъ и что они значать? А расточитель Ламартинъ, въ глубокой старости, сидѣлъ дни и ночи, не разгибая спины, писалъ и писалъ, надѣясь наполнить свою долговую бездну.

Когда законодательный корпусъ вотировалъ даровать Ламартину ежегодную ренту въ 20.000 франковъ, папѣ Бенуатоны и всякая журнальная тля закричали, что это—денной грабѣжъ! Шесть тысячъ рублей годового дохода умирающему старику, который въ это время, уже совсѣмъ похоронилъ себя и впалъ въ безмолвную душевную агонію! Эта годовая пенсія пошла не ему, а кредиторамъ. Онъ ее принялъ потому только, что она исходила изъ Палаты. Всѣ-же личныя предложенія Императора онъ отвергалъ. Его звали на мѣсто президента Сената съ удвоеннымъ окладомъ. Онъ не согласился. Ему предлагали: заплатить его долги, просто, безъ принятія какой-бы то ни было должности. Онъ и этого не принялъ. Вотъ этиакіе факты забываются, а повторятъ на всѣ лады, что онъ снаряжалъ цѣлыя корабли для своихъ увеселительныхъ поѣздокъ—на это найдется цѣлая стая звонарей!.. Да еслибъ и дѣйствительно расточительность Ламартина не знала предѣловъ, то вѣдь онъ своимъ-же талантомъ добывалъ деньги, а не эксплуатаціей рабочихъ массъ, не плутовской биржевой игрой, не продажей своей совѣсти тому или иному правительству. Да и знаютъ-ли всѣ Бенуатоны и журнальныя ищейки сколько денегъ уходило у Ламартина, каждый годъ, на добрыя дѣла, на проявленія самой широкой щедрости? Отчего же они не накидываются на такихъ расточителей, какъ напр. умершій, недавно, въ Англіи, маркизъ Гастингсъ? Тутъ просажено родовое колоссальное имѣніе на пари, лошадей и женщинъ! Тутъ все пахнетъ узурпаціей и безобразіемъ: и источникъ богатства и его употребленіе. Но такіе Гастингсы не задѣваютъ мелкихъ тщеславіи и задорныхъ кичливостей дарованіемъ, высотой натуры, всемірнымъ именемъ! Да и мудрено-ли, что на умирающаго Ламартина накидывались всѣ и вся, когда и въ дни его гражданскихъ доблестей взводили на него самыя циническія небылицы. Про него пустили слухъ, что онъ, сидя въ Hôtel de ville, съ другими членами временнаго правительства, предавался тамъ лукудовскимъ пиришествамъ. Въ письмѣ къ редактору «Presse», отъ 4-го мая 1849 г., Ламартинъ вмѣсто всякихъ оправданій, рассказываетъ, что втеченіи трехъ сутокъ онъ и его товарищи питались черствымъ хлѣбомъ и пили изъ черепковъ битой посуды, оставшейся отъ хозяйства префектуры.

Нѣтъ ничего трагичнѣе, какъ «доживаніе» послѣ такой блестящей доли, какую имѣлъ Ламартинъ вплоть до февральской республики. Двадцать лѣтъ изнывалъ онъ въ абсолютномъ забвеніи, не только какъ гражданинъ, но и какъ поэтъ. Мы,

русскіе, тоже, по нашему критическому абсолютизму, привыкли относиться къ поэтическому творчеству Ламартина—съ кондачка! Для насъ выразитель такихъ образовъ и душевныхъ порывовъ, какіе сказались впервые въ «Méditations» — сладкій стихоплетъ и больше ничего! Настанетъ, конечно, моментъ, когда относительное достоинство каждаго дѣятеля выяснится въ объективной правдѣ, но скоро-ли это будетъ?

Какъ гражданинъ, усопшій поэтъ прошолъ, такъ же чрезъ всѣ мытарства клеветы, неблагодарности, забвенія, насмѣшекъ, схиства! Кто не кричалъ про измѣнчивость его политическихъ убѣждений? Кто не смѣялся надъ его республиканствомъ? Да, Ламартинъ, дѣйствительно, переходилъ отъ одного социальнаго принципа къ другому; но его переходы были поступательнаго, а не ретрограднаго свойства. Высока натура того, кто начавши съ сословныхъ идеаловъ, сталъ, силой таланта и гражданской доблести, выборнымъ націи, первымъ человѣкомъ республики, провозгласившимъ ее не изъ трусости, а по внутреннему импульсу!

Еслибъ всѣ такъ мыслялись въ своихъ убѣжденіяхъ!..

О погребеніи Ламартина рассказалъ теплыми словами Эмиль Оливье въ письмѣ къ редактору «Liberté». Этотъ членъ оппозиціи не побоялся предстать предъ своими избирателями съ книгой, полной всякаго рода нескромностями, гдѣ онъ, съ документами въ рукахъ, показываетъ, какъ правительство заигрывало съ нимъ и звало его на мѣсто «вице-императора» Руэра. Памфлетъ Э. Оливье объясняютъ его непомѣрнымъ тщеславіемъ Хроникеры-же «Figaro» называютъ его «наивнымъ» до нельзя субъектомъ, который, желая подставить другимъ ножку, самъ выставяется съ комической стороны! Личные недостатки г. Оливье вовсе не важны для политическаго движенія Франціи. Какими бы мотивами онъ не руководствовался при обнародованіи своего памфлета, изъ подробностей разсказа вытекаютъ такіа соображенія, отъ которыхъ не поздоровится слугамъ императора, смотрящимъ на Францію, какъ на свою дойную корову. Ловко ли поступилъ г. Оливье, какъ кандидатъ на предстоящихъ выборахъ, или нѣтъ—увидимъ мы черезъ нѣсколько мѣсяцевъ; но смѣлость, по пословицѣ, города беретъ; а въ смѣлости никакъ нельзя отказать этому памфлетисту. Пускай такіе честолюбцы, какъ г. Оливье, преслѣдуютъ свои личныя цѣли; они полезны движенію, до тѣхъ поръ, пока ихъ руководящія идеи стоятъ выше ихъ побужденій. Даже хулители г. Оливье сознаютъ, что онъ показалъ искреннее желаніе принести въ жертву свои оппозиціонныя чувства и связи, во имя общаго дѣла. Правда, ему сулили министерскій портфель; но для людей съ такимъ честолюбіемъ, какое приписываютъ ему, не очень-то вкусно играть роль Пинаровъ и Дюрюи. Еслибы г. Оливье взялъ портфель, то съ твердымъ уговоромъ: дѣйствовать по своимъ принципамъ.

Въ Версали, въ департаментѣ: «Seine et Oise» избиратели обратились съ просительнымъ адресомъ къ профессору Эд. Лабулэ. Онъ отвѣчалъ имъ письмомъ, гдѣ сначала оговаривается, что онъ, поселившись въ Версали (онъ проводитъ тамъ лѣтній сезонъ), никакъ не помышлялъ о депутатствѣ, но чувствуя свою солидарность съ обратившимися къ нему согражданами, онъ не можетъ не послужить имъ вѣрой-правдой. Программа, выставленная имъ, вѣрна его воззрѣніямъ на самопомощь и самоуправленіе, въ духѣ англійско-американскихъ идеаловъ и тѣхъ государственно-народныхъ положеній, съ которыми явились на общее дѣло люди 1789 года. Одно меня поразило въ письмѣ Лабулэ; это-фраза: «gtagse au suffrage universel.» Нишущій эти строки самъ слышалъ, какъ г. Лабулэ называлъ всеобщую подачу голосовъ—«самою большою мистификаціей, какая только можетъ существовать въ политическомъ мірѣ;» а въ письмѣ «suffrage universel» является благомъ. Какъ-же это согласить? Быть можетъ авторъ «Prince-Capiche» пошутилъ? Но когда-же? Устно или письменно?

Въ парижской драматургіи, пьеса Кларти: «Семейство Гезовъ» освѣжаетъ воздухъ, пресыщенный повтореніемъ старыхъ погудокъ. Этотъ молодой писатель, по идеямъ, гораздо капитальнѣе соперника своего Сарду, который, тоже, готовитъ драму на эпизодъ изъ освобожденія Нидерландовъ. Завязавшая-было полемика изъ за декорации наводненія, дополняетъ фізіономію автора «Семейства Бенуатоновъ.» Ему особенно дороги аксесуары, онъ и

стоитъ за нихъ, рискуя даже въ доскъ окомпроментировать себя!

Всѣ завзятые хроникеры засвидѣтельствовали, что «mi-sagème» прошолъ, въ Парижѣ, вяло. Пресловутая книгина Меттернихъ устроила у себя «редутъ», т. е. маскарадъ, являлась втеченіи вечера въ семи domino, и все таки не могла развеселить своихъ гостей. Она захотѣла подражать вечерамъ Арсена Гуссе; но у того бывають и кокетки, а у ней все только такъ называемыя «порядочныя женщины». Ну, разумѣется мужчины и зѣвали въ запуски. Всякій философствующій наблюдатель «high life» а можетъ, обратясь къ книжнѣ Меттернихъ съ братіей, сказать имъ такой спичъ:

«Къ чему вы останавливаетесь на полумѣрахъ? Вамъ всѣмъ смертельно хочется усвоить себѣ малѣйшія ухватки дамъ полусвѣта. Такъ не лучше-ли средство: приглашать ихъ къ себѣ подъ прикрытіемъ маски? Вѣдь вы же ѣздите къ Арсену Гуссе и толчетесь въ однихъ и тѣхъ-же салонахъ со всѣми кокетками? Не стойте-же на полпути! Изобрѣтите особый видъ собраній, гдѣ бы всѣмъ вамъ можно было, сохраняя великосвѣтскій декоръ, предаваться правамъ не безызвѣстной вамъ графини Шали.»

Начавши одной смертію, я кончу другой; но ее я засвидѣтельствую съ акомпанементомъ печальныхъ размышленій. Умершій президентъ Сената Troplong можетъ служить образцомъ французскаго «magistrat», которому ничего не стоитъ мѣнять политическій мундиръ, только-бы его тинули вверхъ по судебной іерархіи. Онъ былъ способный и ученый юристъ; но человѣкъ стоялъ въ немъ также низменно, какъ и во всѣхъ тѣхъ мелкихъ себялюбцахъ и поборникахъ порядка, во что-бы то ни стало, изъ которыхъ природа фабрикуетъ шпіоновъ и душителей всякаго человѣчнаго движенія. Передъ смертію г. Тролонъ и его супруга сдѣлались «притчей во языцѣхъ», по поводу присвоенія себѣ картинъ, составляющихъ государственную собственность. Рошфоръ особенно допекалъ эту чету и разсказываетъ въ «Фонарѣ», будто, когда Императоръ явился навѣстить покойнаго президента, то мадамъ Troplong не допустила его къ больному, потому что его величество приноситъ съ собою смерть. Коли онъ кого-нибудь навѣститъ—больному не жить больше 48 часовъ!

На могилѣ г. Тролона надо-бы было пожелать Франціи, что бы ея магистратура высвободила себя наконецъ изъ подъ добровольнаго и позорнаго ига, дѣлающаго изъ нея рабыню произвола императорскихъ слугъ, чтобы она спустилась съ своего абсолютнаго нетерпимаго пьедестала, откуда немощи челоуѣчества кажутся закоренѣлыми злодѣяніями, которыя нужно карать, карать и карать.

Авениръ Миролубовъ.

28 Февраля.
12 Марта. 1869.

ОБЗОРЪ ЖУРНАЛОВЪ *

II

Вѣстникъ Европы I и II.

Продолжаемъ нашъ обзоръ русскихъ журналовъ. Въ «Вѣстникѣ Европы», кромѣ романа Гончарова, продолжается печатаніе огромнаго произведенія Ауэрбаха: «Дача на Рейнѣ». Переводъ этого романа прямо съ рукописи, начался еще съ половины прошлаго года и, какъ говорятъ, протянется во весь настоящій. «Сюжетъ» этого романа покуда состоитъ въ томъ, что нѣкто Эрихъ Дорнэ капитанъ и докторъ (не медицины) желаетъ опредѣлиться наставникомъ къ сыну богача—милліонера Зоненкампа, Роланду и наконецъ опредѣляется (только въ послѣдней книжкѣ).

Дѣйствія въ романѣ очень мало; всѣ его лица, начиная отъ Дорнэ и включительно до послѣдняго конюха—непрестанно разсуждаютъ и философствуютъ о жизни, челоуѣкѣ, челоуѣчествѣ, ихъ назначеніяхъ и прочихъ высокихъ матеріяхъ. Дошло до того, что Ауэрбахъ въ одной главѣ заставилъ даже птицъ разсуждать между собою. При этихъ разсужденіяхъ высказывается много дѣльныхъ и глубокихъ мыслей, что приобрѣло роману репутацію очень умнаго произведенія. Вспоминая извѣстный отзывъ Пушкина, можно сказать, что Ауэрбахъ дѣйствительно умный челоуѣкъ, но къ героямъ его отзывъ этотъ надо прилагать съ осторожностью, такъ какъ отъ умныхъ людей требуется не только умѣть говорить хорошія слова, но умѣть и хорошо дѣйствовать; а въ романѣ покуда (и то въ послѣдней только книжкѣ), одинъ Роландъ рѣшился

* См. № 7 «Всем. Илл.»

на поступок, уйдя от отца к своему учителю, которого он полюбил. Это отсутствие действия и избыток разсуждений и размышлений обратили роман в какой-то философский трактат, в собрание идей, принципов, сентенций и ощущений, изложенных в художественной форме, в лицах и сценах. Правда, что мысли и чувства романа — прекрасны и чисты мысли и чувства; читающего и проникающегося ими они поднимают высоко над будничной и пошлой стороной жизни и сильно шевелят мысль и сердце, но не всякий жаждет от романа проповеди и поучений и не всегда расположен принимать их. Оттого то многие легкие читатели, т. е. легко относящиеся к книжке, давно уже разстались с капитаном Дорне, не дожидаясь определения его к Зоненкампу. От этого иногда случается слышать такие вопросы: «Читаете вы «Дачу на Рейн»? спрашивают вас (чаще женщины) — Читайте, отвечаете вы. «Ах, скажите пожалуйста, поступил учитель к этому откущику или богачу американцу? До сих пор приходилось отвечать: — Нет, не поступил, но теперь наконец можно отвечать утвердительно: — Поступил. «Слава Богу», говорят легкие читатели или читательницы и собираются слѣдить за романом дальше, впрочем всетаки не сплошь, а так себѣ, читая одни «хорошенькие мѣста». «Слава Богу» говорила мнѣ по поводу этого романа одна читательница, что автор не задается задачей определить Дорне учителем в цѣлую школу, а назначает его только к одному мальчику; а то Дорне навѣрно никогда бы не поступил и Аурбахъ палъ бы подъ тяжестью своей задачи».

Личность самого героя капитана — доктора Эриха Дорне вызывает также разноречивые оцѣнки; однимъ онъ нравится, другимъ нѣтъ. Последние находятъ, что уже слишкомъ онъ хорошъ и чистъ душою, что это какое-то лицо безъ тѣней. А главное не нравится въ немъ то, что онъ самъ сознаетъ свою пресвѣтлую красоту и какъ будто любитъ ее собою. «И что это я за благородный, умный, и красноречивый молодой человекъ» — какъ будто говоритъ онъ самъ себѣ. Особенно онъ любитъ въ себѣ богатство идей и красоту свою и, въ напечатанныхъ двухъ частяхъ, не пропускалъ ни одного случая показать то и другое. Говорилъ онъ при всякомъ случаѣ и со всѣми, и при этомъ самъ

Слушалъ и заслушивался. Слезы
Невольныя и сладкія текли.

Можетъ быть оно у нѣмцевъ такъ и слѣдуетъ, только не по нутру русскому человеку такое облюбованіе самого себя и душевное кокетство; намъ больше нравится тотъ типъ людей, объ которомъ можно сказать что,

Думаетъ свою онъ думу
Безъ шуму.

Ограничиваемся этими замѣчаніями, оставляя серьезную оцѣнку романа до его окончанія, которое еще не близко, такъ какъ изъ пяти частей романа напечатаны покуда только двѣ. Насколько можно судить по напечатанному, изъ романа этого не выйдетъ крупнаго художественнаго произведенія съ яркими образами или глубокой идеей, но за то уже и теперь выходитъ умная и честная книга, поэтически написанная.

Изъ другихъ статей двухъ книжекъ «Вѣстника Европы» остановимся на критикѣ г. Ев. Утина и исторической монографіи г. Костомарова, минуя остальные молчаніемъ по недостатку времени и мѣста.

Критическая статья г. Утина привлекаетъ вниманіе какъ первая статья, какъ дебютъ «Вѣстника Европы» на критическомъ поприщѣ. Отдѣлъ критики очень важный отдѣлъ въ журналахъ. Отсутствие его дѣлаетъ журналъ черезъ чуръ безстрастнымъ сборникомъ статей того или другаго содержания, извѣстнымъ образомъ подобранныхъ; критическій отдѣлъ обращаетъ журналъ въ активнаго и горячаго участника интеллектуальной и литературной жизни общества, придаетъ ему цвѣтъ и запахъ, вскрываетъ интимныя мысли журнала, его взгляды и вкусы.

Статья г. Ев. Утина посвящена новой комедіи Островскаго «На всякаго мудреца довольно простоты». По поводу ея онъ говоритъ и объ Островскомъ вообще и о русской семейной и общественной жизни, т. е. русскую жизнь онъ разбираетъ по Островскому, а Островскаго по Добролюбову. Такимъ образомъ онъ повторяетъ, что въ основаніи русскихъ семейныхъ и общественныхъ отношеній лежитъ самодурство, что имъ же пораженъ весь строй частной и политической жизни; что главнымъ явленіемъ этой жизни въ ея какъ частномъ, такъ

и общественномъ быту, есть борьба униженныхъ и оскорбленныхъ съ унижающими и оскорбляющими; что въ борьбѣ этой мракъ, невѣжество, дикость, варварство и безобразіе распределены ровно между тѣми и другими; что промежуточнымъ связующимъ звѣномъ между этими двумя слоями являются угнетенные, стремящіеся пролѣзть въ угнетателей, стать въ свою очередь самодурами; что въ этомъ ужасномъ царствѣ или среди этого ужаснаго народа не встрѣчается почти ни одного лица, «на которомъ можно было бы отдохнуть, успокоиться, на которомъ ваша мысль могла бы остановиться». Такого лица нѣтъ, (у Островскаго, по словамъ критика) и, что самое ужасное, вы чувствуете, что не можете винить въ этомъ автора: онъ вовсе не съ умысломъ рисуетъ вамъ только мрачныя да мрачныя картины; его чувство, его чутье русской жизни, его наблюдательность подсказываютъ ему эти контуры, онъ не повиненъ въ окружающей тѣмѣ, ему хочется, онъ пробуетъ рисовать свѣтлые образы, но помимо своей воли, по тому чувству правды, которая живетъ въ немъ, онъ обрывается, останавливается на половинѣ и быстро увлекаетъ продолженный (?) свѣтлый образъ въ ту кромѣшную тѣму, гдѣ не видно ни одной зги, куда никогда, ни на одну минуту не проглянетъ солнышко» (т. е. въ безотрадную дѣйствительность русской жизни). «Вамъ становится холодно, дрожь пробѣгаетъ по вашему существу.»

Ужасно, ужасно!

«Подобный строй жизни есть результатъ еще полуварварскаго состоянія народа и далекаго разстоянія отъ той образованности, которая есть богатый плодъ западной цивилизаціи», поясняетъ критикъ. Вся бѣда въ томъ, что еще слишкомъ незначителенъ «процентъ образованныхъ людей, людей, которыхъ разумъ не затемненъ неуклюжею смѣсью французскаго съ нижегородскимъ, цивилизованныхъ понятій запада съ первобытными понятіями».

Постигнувъ такъ глубоко и оригинально русскую жизнь и г. Островскаго, цивилизованный критикъ Вѣстника Европы переходитъ къ разбору его новой комедіи «На всякаго мудреца» и пр. Если въ первой половинѣ своей статьи, критикъ только «рассказалъ своими словами» «Темное царство» Добролюбова, то здѣсь за то онъ постарался быть вполне оригинальнымъ и дѣйствительно дошелъ до такихъ заключеній, до какихъ не доходилъ ни одинъ изъ разбиравшихъ, да вѣрно даже и ни одинъ изъ видѣвшихъ эту комедію. Въ этомъ неудачномъ и неловкомъ произведеніи Островскаго критикъ увидѣлъ и характеры, и типы, и полное правды изображеніе современной дѣйствительности. Даже въ Мамаевой, столь же похожей на свѣтскую барыню какъ расфранченная кухарка, усмотрѣлъ онъ «вѣчный типъ, прекрасно очерченный, свѣтской женщины». Какого-же она «свѣта»?

Что касается до главнаго лица комедіи — Глумова, то критикъ хотѣ и долго съ нимъ возился и сильно бранилъ за дурное поведеніе, но не раскусилъ. Даже счастливая мысль сравнить его съ Жадовымъ не помогла ему понять Глумова; онъ не понималъ, что это собственно одна кровь съ Жадовымъ, и что много есть общаго между этими двумя лицами; придя къ тому выводу, что «между Жадовымъ и Глумовымъ нѣтъ ничего общаго», онъ проглядѣлъ въ Глумовѣ ту черту, которой онъ стоитъ выше всѣхъ эксплуатируемыхъ имъ людей, не замѣтилъ въ немъ того уголка, затворяясь въ который, онъ могъ вести «лѣтніе людской пошлости», на компромисъ съ которой соглашался въ тоже время на практикѣ.

Впрочемъ вся эта статья написана не только горячо, но и сердито, съ высокимъ гражданскимъ пафосомъ.

Статья г. Костомарова представляетъ только введеніе къ большому историческому труду, посвященному послѣднимъ годамъ рѣчи польской. Въ трехъ главахъ этого введенія, авторъ дѣлаетъ бѣглый очеркъ исторической борьбы Руси и Польши за владѣнія, характеризуетъ народный польскій характеръ, объясняетъ польское легкомысліе и взбалмошность избыткомъ «сердечности», перевѣсомъ этого качества надъ умомъ; въ этомъ-же онъ видитъ причину всѣхъ неурядицъ въ складѣ польскаго быта и ходѣ польской исторіи, конечнымъ результатомъ которыхъ было самое паденіе Польши и наконецъ даетъ довольно яркую картину польскаго воспитанія, нравовъ и учреждений въ періодъ упадка Польши. Какъ всѣ монографіи г. Костомарова, и эта написана легко и занимательно.

III.

Заря кн. I и II.

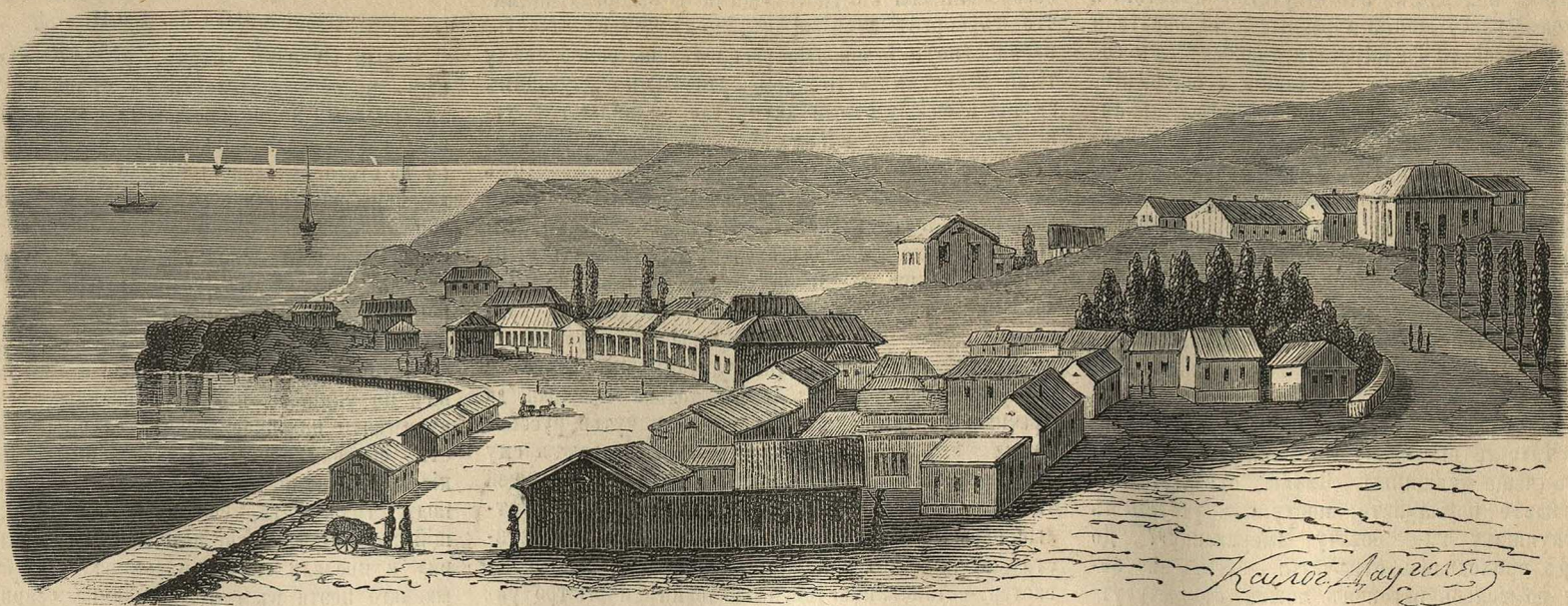
Новый журналъ «Заря», былъ встрѣченъ дружнымъ недоброжелательствомъ цѣлой фракціи нашей литературы; но не смотря на печатныя предсказанія, что журналъ прекратится въ скоромъ времени, (и до этого доходило!) вышло благополучно двѣ книжки, изъ которыхъ вторая составлена гораздо занимательнѣе и живѣе, чѣмъ первая. Появленіе второй книжки сопровождалось нѣкоторымъ скандаломъ, рисуящимъ нашу литературу съ весьма неприглядной стороны. Оказалось, что не только московскіе молодцы могутъ, ради шутки, обливать керосиномъ собакъ и кошекъ, и затѣмъ пускать ихъ по улицамъ въ видѣ огненныхъ змѣевъ, но что нѣчто подобное можетъ случиться и въ области, обличающей таковыя безобразія. Именно, какіе-то шутники, подѣлавшись довольно искусно подъ стихъ Фета, составили акrostихъ, намекающихъ на яко-бы плохое положеніе дѣлъ редакціи «Зари» и послали его съ письмомъ будто бы отъ уважаемаго поэта въ самую редакцію «Зари». «Заря» напечатала стихи, не подозревая шутки. На другой же день, по выходѣ книжки, одна петербургская газета помѣстила отъ своего имени разгадку акrostиха, не устыдившись прибавить къ ней одобрителный комментарий. Удивительное остроуміе! Ни чѣмъ не хуже горящихъ кошекъ!

Но пусть себѣ «шутники» забавляются сколько угодно; будемъ надѣяться, что публика по достоинству оцѣнитъ поступки какъ московскихъ молодцовъ, такъ и петербургскихъ. Обратимся лучше къ разбору двухъ вышедшихъ книжекъ новаго журнала.

Капитальною литературною вещью въ новомъ журналѣ является романъ А. О. Писемскаго «Люди сороковыхъ годовъ». Трудно судить о задачѣ романа и выполненіи этой задачи по первымъ двумъ частямъ, а потому мы ограничимся только общими замѣчаніями, подобно тому, какъ поступили относительно романа г. Гончарова «Обрывъ». Чтѣ съ перваго взгляда поражаетъ въ романѣ г. Писемскаго, это отсутствіе строгаго плана. Все дѣло ограничивается покуда разсказомъ о дѣтствѣ и юности героя романа Павла Вихрова; слѣдуетъ сцена за сценой, связанныя между собою довольно вышнимъ образомъ. Авторъ рисуетъ обстановку, въ которой развивался его герой, но обстановка эта является какъ бы механически приставленной къ герою; другими словами, не видно вліянія обстановки на героя, не видно какимъ именно образомъ при данныхъ условіяхъ сложились мысли и убѣжденія героя. Противъ этого можно возразить, пожалуй, что герой романа г. Писемскаго еще очень молодъ, что онъ не развился вполне, а потому авторъ и не могъ ярко сопоставить его со средой, въ которой ему пришлось развиваться и т. д. Но такое возраженіе, будучи отчасти справедливымъ, вызоветъ указаніе на главный недостатокъ романа, а именно на то, что личность Павла очень безцвѣтна. Павелъ является мальчикомъ и юношей богато одареннымъ, съ необыкновенной памятью, усидчивостью въ достиженіи желаемаго, отзывчивостью на различныя явленія. Понятно, что все это черты чисто внѣшнія; Павелъ выучивается скоро по французски (даже очень скоро), догоняетъ своихъ товарищей въ латинскомъ, проникается религіозностью, увлекается студенческой жизнью и т. д., — но гдѣ внутреннія причины всего этого? Ихъ нѣтъ, или по крайней мѣрѣ онъ не выставлены авторомъ. Словомъ, отношенія автора къ герою чисто внѣшнія; герой является только поводомъ къ рисовкѣ различныхъ лицъ и сценъ; романъ становится панорамой, болѣе или менѣе занимательной, а не исторіей развитія *живой души* героя. Тоже отсутствіе жизненности въ лицѣ героя мы замѣтили и въ «Обрывѣ» г-на Гончарова, и такое явленіе, встрѣчающееся въ произведеніяхъ двухъ замѣчательныхъ русскихъ белетристовъ, кажется намъ весьма характернымъ. Въ обоихъ произведеніяхъ, вслѣдствіе этого, чувствуется отсутствіе внутренней задачи и авторы только передаютъ свои, болѣе или менѣе, мѣткія наблюденія надъ жизнью.

Въ романѣ г. Писемскаго только въ одномъ мѣстѣ Павелъ нѣсколько обнаруживаетъ себя, именно, когда онъ пріѣзжаетъ на каникулы изъ университета, то тотчасъ обращаетъ вниманіе на содержаніе дворовыхъ; при этомъ проблескиваетъ въ немъ сочувствіе къ меньшимъ братіямъ; ясно, что такой переворотъ въ его мнѣніяхъ совершился подъ вліяніемъ университета, — но какъ онъ произошелъ въ Павлѣ, авторъ умал-

Городъ Петровскъ въ (Сѣверномъ Дагестанѣ).

Тарху (древній Семендеръ).

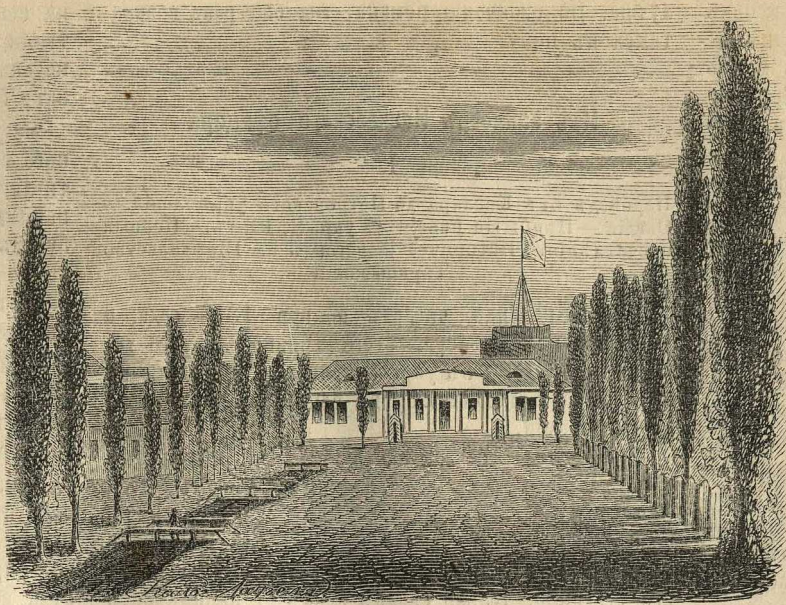

Теміръ-Ханъ-Шура.

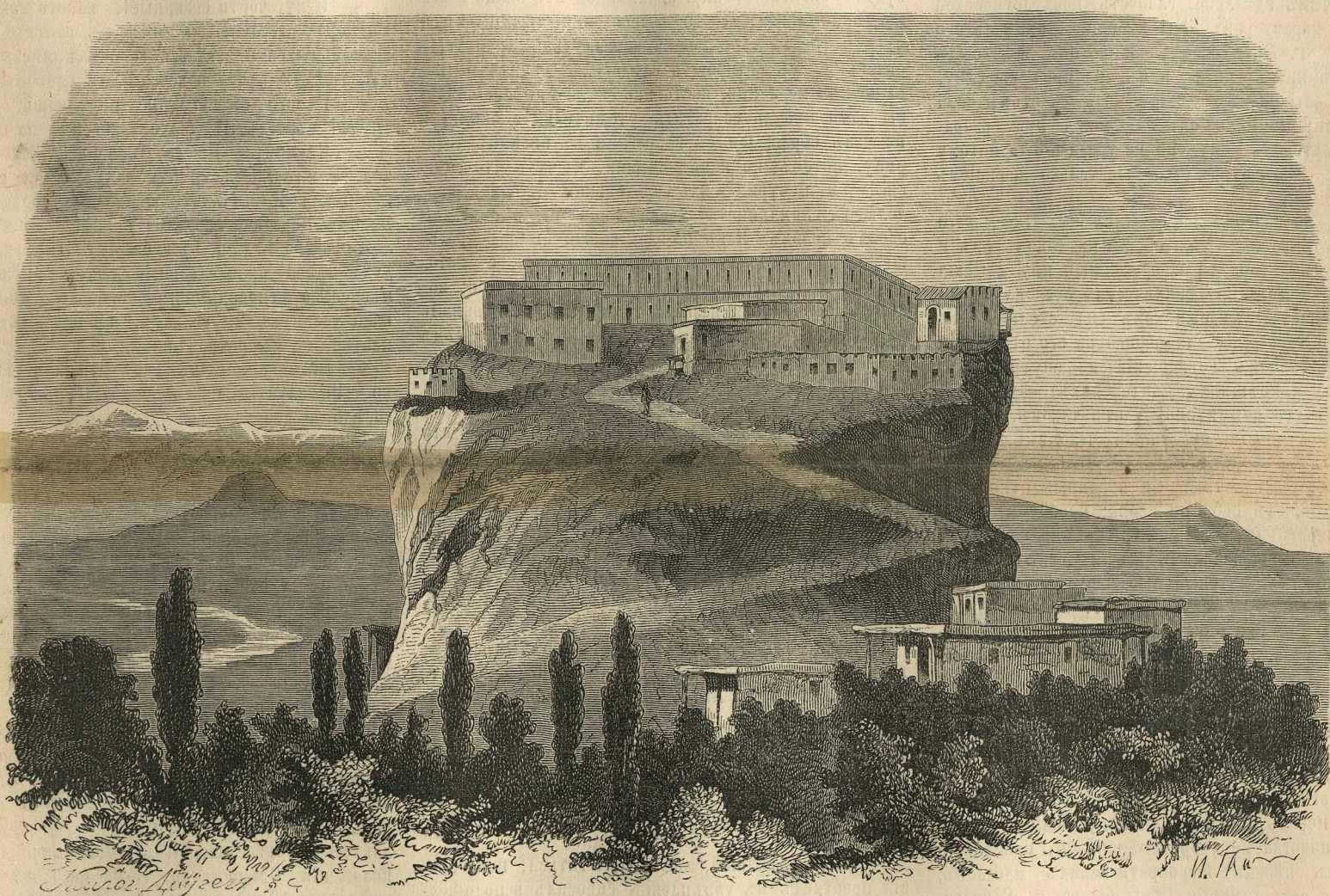
чиваетъ, какъ и обо всемъ касающемся внутренней, душевной жизни своего героя.

Заглавіе романа «Люди сороковых годовъ» позволяетъ надѣяться, что рамки романа въ слѣдующихъ частяхъ разширятся и что романъ перестанетъ быть рядомъ приключеній Павла Вихрова. На это, кажется, намекаетъ XVII глава I-й части, называющаяся «Разныя вѣдомства въ ихъ почкахъ». Кажется, что намѣченные въ этой главѣ характеры различныхъ молодыхъ людей, дадутъ въ послѣдствіи богатый матеріалъ для разработки. Въ этой главѣ г. Писемскій обнаружилъ сильнѣйшую черту своего таланта, именно умѣнье рисовать различныя *жизнейскія* отношенія. Эта черта проявляется гораздо ярче во второй части, гдѣ рисуется студенческое житье-бытье и особенно въ главахъ, гдѣ является отецъ Павла, старый полковникъ.

Домъ командующаго войсками въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ.

Указавъ на эту черту таланта г. Писемскаго, мы тѣмъ самымъ указали на достоинство его романа. Г. Писемскій принадлежитъ къ такъ называемымъ реальнымъ писателямъ; но слово «реализмъ» — слово весьма растяжимое; всѣ лучшіе русскіе писатели — реалисты, всѣ они стремились изучить русскую жизнь, ея особенности и отнестись къ ней какъ можно проще, правдивѣе. Всѣ они чутко понимали и безбоязненно разоблачали все ложное, внѣшне-блестящее, напускное; всѣ они старались понять сущность простаго, незлобиваго, и на чужіе глаза не пригляднаго, русскаго идеала, полного не внѣшнимъ блескомъ, но внутреннею глубиною, пренебрегающею яркими и красивыми (но только для глазъ привлекательными) формами. Въ этомъ, по нашему, заключается суть русскаго реализма; многія изъ его сторонъ, напримѣръ простота от-

Кеферъ-Кумыкъ.

Крѣпость Петровская

ношений авторовъ къ изображаемымъ имъ лицамъ, отсутствіе искусственнаго освѣщенія при рисовкѣ характеровъ, искусственной запутанности интриги, — понимаются и иностранцами, какъ о томъ можно судить напр. по нѣкоторымъ замѣткамъ «Saturday Review» о сочиненіяхъ г. Тургенева. И такъ, назвавши г. Писемскаго реалистомъ, мы еще не опредѣлимъ точно его таланта; требуется точнѣе указать на свойства его реализма.

Мы охотнѣе всего придали-бы этому реализму эпитетъ *житейскаго*. Этимъ эпитетомъ опредѣляется не только содержаніе, но отчасти и сущность таланта даровитаго романиста. Мы уже сказали, что онъ мастеръ рисовать житейскія отношенія; въ самомъ дѣлѣ, припомните всѣ лучшія мѣста романовъ г. Писемскаго, и вы увидите, что всѣ они посвящены разоблаченію этихъ отношеній; психологическая рисовка личностей, вслѣдствіе этого, всегда отстываетъ у него на второй планъ. Съ поразительной ясностью это можно прослѣдить въ «Горькой Судьбинѣ»; — въ силу драматической формы названнаго произведенія, въ немъ свойства авторскаго дарованія обнаруживаются необыкновенно наглядно. Никто не скажетъ, чтобы житейскія отношенія въ этой драмѣ были изображены не вѣрно и не правдиво, — но за то въ ней поразительнѣе, чѣмъ гдѣ-либо, слабость психологической концепціи характеровъ. Мы вовсе не ставимъ этого въ упрекъ г. Писемскому; напротивъ, онъ былъ совершенно правъ, рисуя намъ, по преимуществу, житейскія отношенія, потому что въ этомъ сила его таланта; примись онъ за психическую разработку характеровъ, ему она не удалась-бы, потому что такая разработка была-бы только насиліемъ дарованія.

И такъ, по содержанію, реализмъ г. Писемскаго можетъ быть названъ житейскимъ; таковъ онъ и по взглядамъ автора на изображаемыя имъ людскія отношенія. Какъ скоро психическая сторона характера выясняется художникомъ на столько, на сколько это требуется для обрисовки его отношеній къ другимъ лицамъ (отношеній не внутреннихъ, душевныхъ, а вѣншихъ, житейскихъ), — то ясно, что взглядъ его неминуемо будетъ таковъ, къ какому придетъ всякій правдивый человекъ, разбирающій эти отношенія. Порою художникъ только разоблачаетъ, выставитъ на видъ данныя отношенія и не скажетъ отъ себя ни слова; порою онъ смягчитъ суровость картины тѣмъ примиряющимъ и снисходительно-прощающимъ къ людскимъ слабостямъ взглядомъ, который выражается въ пословицѣ: «всѣ люди, всѣ люди», т. е. всѣ мы не безъ грѣха и должны быть снисходительны къ другимъ. Мы полагаемъ, что имѣемъ полное право назвать реализмъ, сквозь который видѣется такой именно взглядъ на дѣйствительность, житейскимъ и по сущности. Онъ, если хотите, порою бываетъ рѣзокъ и грубоватъ, но за то въ немъ много здороваго и крѣпкаго. Онъ, можетъ быть, не замѣтитъ многого поэтическаго, но за то никогда не умилился передъ ложнымъ и напускнымъ. Такой реализмъ никогда не ударится напр. въ прославленіе какихъ нибудь бюрократическихъ идеаловъ, какъ-то не разъ случалось хоть-бы съ г. Гончаровымъ.

Приложимъ теперь этотъ общій взглядъ на талантъ г. Писемскаго къ его новому роману и спросимъ: проявляются ли эти хорошія стороны его таланта въ «Людяхъ сороковыхъ годовъ»? Отвѣтъ, несомнѣнно, будетъ положительный. Подробный разборъ всѣхъ лучшихъ сценъ завелъ-бы насъ слишкомъ далеко, а потому мы ограничимся перечисленіемъ ихъ и остановимся нѣсколько дольше только на одной. Кромѣ указанныхъ нами выше главъ романа, обратимъ вниманіе читателя на рисовку характера Абреевой (гл. I), на Еспера Ивановича, на учителя Дроздова, на Макара Григорьева и его практическіе взгляды, на сцену у становой, на мужика Бирьяна и др. — все это принадлежитъ къ лучшимъ страницамъ, когда-либо написаннымъ г. Писемскимъ. Прослѣдите внимательнѣе напр. отношенія Еспера Ивановича къ Аннѣ Гавриловнѣ и княгинѣ и вы увидите, какъ онъ правдиво нарисованъ художникомъ (VI гл. первой части). Отношенія эти могутъ быть по сущности фальшивы, комичны, — но авторъ и не выдаетъ ихъ за наилучшія; онъ ихъ рисуетъ, какими они были на самомъ дѣлѣ. Намъ вспоминается при этомъ отзывъ одного критика, который находилъ, что Есперу Ивановичу *проще* было-бы жениться на своей ключницѣ. Можетъ быть и такъ, былъ-бы въ правѣ отвѣтить художникъ, но мое дѣло рисовать дѣйствитель-

ность, а не выдумывать, что было-бы проще и лучше. По окончаніи романа, мы еще разъ возвратимся къ нему.

Изъ записокъ Кавказскаго офицера.

I.

Переездъ отъ Кизляра до Петровскаго укрѣпленія. — Оказія — Прибытіе оказія въ укр. К. Юртъ. — Первые впечатлѣнія. — Историческій взглядъ на Шамхальство Тарковское.

Въ послѣднихъ числахъ ноября 185* года, я выѣхалъ изъ Кизляра, этого грязно-илистаго городка, по дорогѣ въ укр. Петровское, гдѣ долженъ былъ начать свою службу въ одной изъ частей кавказской арміи.

Дорога шла сначала по буеракамъ, покрытымъ мелкимъ ползучимъ кустарникомъ; потомъ стала ровнѣе и наконецъ, мало по малу, обратилась въ совершенно ровную, солончковую степь. Нигдѣ ни былинки, ни ручейка; въ воздухѣ тишь, точно все вымерло, только скрипъ арбы *) напоминаетъ что и здѣсь суетятся люди; горы, которыя такъ радовали меня, когда я впервые увидѣлъ ихъ у Шелкозаводской переправы на Терекѣ, стали какъ будто убѣгать; солнце, поднимаясь все выше и выше, напоминало, что оно южное; меня начинала одолевать тоска, а съ нею и неразлучная дремота; а оказія *), съ которою я слѣдовалъ, тянулась невыносимо медленно, постоянно останавливаясь. Чтобы какъ нибудь сократить утомительное время, я не разъ обращался съ вопросами къ возницѣ татарину, но онъ, не понимая меня, мычалъ что-то по своему и, покуривая изъ коротенькой трубочки, продолжалъ помахивать хвостомъ надъ головами своихъ воловъ. Какъ на зло, оказія была не большая и вся состояла изъ армянъ купцовъ, съ которыми у меня ничего общаго и быть не могло; колону конвоировали казаки, то и дѣло гарцовавшіе по степи; слѣдовательно, говорить было не съ кѣмъ и волей неволей приходилось подумать о снѣ, единственномъ лекарствѣ противъ скуки, что я и сдѣлалъ. Но я не стану утомлять читателя описаніемъ того, что можетъ быть понятно только тѣмъ, кто слѣдовалъ когда либо по такой дорогѣ, да еще съ оказіей.

На другой только день къ вечеру мы доползли до К. Юртскаго укрѣпленія, которое въ прежнее время играло не маловажную роль въ жизни Кавказскаго офицера. Оно построено на р. Сулакѣ, а переездъ черезъ эту рѣку давалъ право на получение двойнаго жалованья.

Вечеръ; блѣютъ овцы, мычатъ рогатый скотъ; въ мазанкахъ, окружающихъ укрѣпленіе, загораются огоньки; кучи мальчишекъ съ гикомъ провожаютъ оказію, вытягивающуюся на площадку передъ церковью.

Татаринъ начинаетъ мычать энергичнѣе, чаще повторяя: «знакомъ есть? а? Куда гайда?»

— Какой знакомъ, да и въ самомъ дѣлѣ куда гайда? — подумалъ я въ свою очередь.

— Гдѣ, любезный, можно пріютиться, пока оказія пробудетъ въ укрѣпленіи, спросилъ я подошедшаго ко мнѣ базарнаго или просто солдата, исполнявшаго роль полиціймейстера.

— Да вамъ бы, ваше благородіе, лучше всего проѣхать въ крѣпость прямо къ коменданту или комисару, у нихъ свободныя комнаты имѣются, а то, окромя ихъ тутъ нигдѣ, отвѣчалъ мнѣ базарный, уже старій кавказскій служака, окидывая меня саркастическимъ взглядомъ и вѣроятно подумывая: «фертикъ-то виднѣ изъ Рассеи, какъ покажешь фатеру въ нашей курной хатенкѣ, такъ съ непривычки мало, что носъ завернетъ, да еще и выругаетъ».

Черезъ 10 минутъ я былъ уже въ крѣпости и не рѣшаясь сразу предстать предъ очи начальства, отправился по указанію базарнаго прямо къ комисару. Войдя въ сѣни, я долго постукивалъ сапогами, трогалъ за ручку дверей, но никто не показывался, точно все вымерло. Наконецъ утомленіе взяло верхъ надъ робостью и я слегка пріотворивъ одну половинку дверей, рѣшился заглянуть въ комнату. Гляжу, въ комнатѣ царитъ полумракъ; сальная свѣчка нагорѣла и едва, едва даетъ воз-

можность различить окружающее. Въ углу кровать, на ней валется что-то: не то человекъ, не то тюфякъ; у кровати столикъ, на немъ бутылка и недопитый стаканъ. Думая, что я попалъ въ комнату больного, я тихо заперъ дверь и вышелъ.

— Неужели же здѣсь мертвое царство, ни одного солдата, даже часового не видно, ужъ не поити-ли къ коменданту? думалъ я, опускаясь на ступени крылечка. — Хорошо же начало, что то дальше будетъ, да и теперь пора бы найти пріютъ; вѣдь темно стало, — мелькало у меня въ головѣ, которая отъ усталости и тоски готова была скатиться съ плечъ.

Наконецъ судьба видно сжалилась надо мною: въ ворота укрѣпленія вошелъ какой-то офицеръ и, замѣтивъ меня на крыльцѣ, подошелъ ко мнѣ и спросилъ откуда я и зачѣмъ въ К. Юртѣ.

Узнавъ, что я изъ Петербурга, ѣду въ Петровское и хотѣлъ по указанію базарнаго остановиться у комисара, Л* (такъ звали моего новаго знакомаго) опрометью бросился въ сѣни и въ ту комнату, куда я уже заглядывалъ.

— Иванъ Ивановичъ! Пріятель! Дружокъ! Да пойми же, что тебѣ Богъ послалъ гостя изъ Питера.

— Н-ну, черти окаянны!.. какого тамъ гостя!.. къ чорту гостей!.. я самъ въ гостяхъ! сипѣлъ, захлебываясь и заикаясь голосъ комисара, закрѣпляя каждую фразу непечатнымъ словомъ.

— Ничего съ нимъ не подѣлаешь, напрасный трудъ! ворчалъ Л*, выходя ко мнѣ на крыльцо.

— Извините, Иванъ Ивановичъ боленъ и позвольте мнѣ предложить вамъ пріютъ у себя. Тутъ недалеко. Я вотъ только позову солдатика, онъ мигомъ перетащитъ ваши вещи. И за тѣмъ, приложивъ два пальца къ губамъ, Л* пустилъ на воздухъ такой пронзительный свистокъ, что черезъ нѣсколько мгновеній изъ сторожевой башни высыпало человекъ 20 солдатъ, правда безъ верхняго платья, но съ патронташами и ружьями.

— Иванова послать, безъ ружья только, да живо. Пожалуйте, проговорилъ Л*, вводя меня въ сосѣдную дверь.

Черезъ часъ на столѣ уже шумѣлъ самоваръ, напоминая дорогую родину; появилась закуска, а возлѣ меня сидѣлъ мой незабвенный, теперь ужъ отошедшій въ вѣчность, собесѣдникъ и распрашивая меня о далекомъ сѣверѣ, рассказывалъ свое житейское бытіе на Кавказѣ.

— Не судите о насъ строго, говорилъ Л*, не осуждайте и Иванъ Ивановича. Что прикажете дѣлать въ такой тужибу, какъ наша? День-деньской одно и то же, читать, дѣлать нечего, да и учились мы на мѣдныхъ деньгахъ; общества никакого, новости приходятъ черезъ два мѣсяца и болѣе. Пріѣзжающіе боятся насъ, какъ звѣря, и скорѣе согласятся почевать въ арбѣ подъ открытымъ небомъ, чѣмъ примуть предлагаемое гостепріимство. Скажу вамъ откровенно, я живу здѣсь пятый годъ и вы первый, съ которымъ можно говорить. Поэтому не удивляйтесь, что застали Иванъ Ивановича въ такомъ положеніи. Одиночество, тоска по женѣ, умершей уже лѣтъ 10 тому назадъ, тридцатилѣтняя служба и ничего впереди, сломили его; одно утѣшеніе сонъ или вино; а все же онъ хороший и добрый человекъ. Вотъ я и совсѣмъ не пью, да не знаю что станетъ со мною, если оставятъ меня здѣсь на долго. Просилъ князя, авось переведутъ въ Шуру, а то съ тоской не совладаешь; убьетъ она меня.

Долго я бесѣдовалъ въ томъ же тонѣ съ Л. и далеко за полночь простился съ нимъ.

На другой день, едва я успѣлъ проснуться и отворить окно, какъ дверь въ мою комнату отворилась и передо мной явился, какъ бы вы думали, кто? самъ майоръ Б. комендантъ укрѣпленія, въ сюртукѣ, но со Станиславомъ на шеѣ. И не успѣлъ я накинуть шинели, какъ онъ подошелъ ко мнѣ заговорилъ какъ то особенно бѣгло.

— Вашъ слуга, майоръ Б. Извините, батюшка, а пожалѣлъ что не видѣлъ васъ вчера: мы бы побесѣдовали, позакусили бы да и выспались. А вы изъ Петербурга? ну что тамъ новаго? Правда ли, что Ермолова опять шлютъ къ намъ? золотой онъ человекъ, скажу вамъ, такого теперь и со свѣчой не сыщешь, а ужъ начальникъ такъ просто любо, строгъ только. Ходили мы съ нимъ не разъ въ горы, въ Аварію, да и какую остротку задавали мы этимъ чертямъ. Славное, незабвенное времячко! Ну и князь нашъ молодецъ, нечего сказать, и я забыть не могу какъ подъ Чохомъ онъ подбивалъ татарву. Да вотъ ужъ я расскажу вамъ, если поз-

*) Арба — татарская двухколесная телѣга.

*) Оказія — военная колонна, подъ прикрытіемъ которой, въ прежнее время, совершались переезды на Кавказѣ. При этомъ всѣ ѣдущіе строились въ два или три ряда и слѣдовали въ порядкѣ, а впереди и сзади слѣдовала пѣхота или казаки, а иногда и орудія.

волите зайти, а теперь пойду заморить червячка, а то тошно, да неужели ли рюмочку?

Въ вечеру у меня собрались всё. Закипѣла беседа и беседа самая оживленная; начались рассказы и рассказы одинъ другаго интереснѣе, чихирь помогали имъ, а послѣ полуночи, когда Б., нацѣловавшись со мною досыта, отправился во свояси, а я, проводивъ священника, возвратился въ свою временную келію, то припоминая слышанное, съ грустью сталъ задавать себѣ вопросъ: неужели же и я пойду по пути комисара и ему подобныхъ, или же встрѣчу людей, которые поддержать меня и не позволять пасть окончательно?

На другое утро, въ 4 часа, оказія тронулась дальше и къ вечеру я былъ уже въ Петровскомъ.

Но прежде чѣмъ рѣшусь набросать кое-что о жизни въ Петровскомъ, я долженъ сказать о самомъ Шамхальствѣ, въ округѣ котораго построены Петровскъ.

Шамхальство, или владѣнія Шамхала Тарковского, занимаютъ почти всю равнину Сѣвернаго Дагестана. Скотоводство и рыбные промыслы главный доходъ. Шамхалы были издревле сильнѣйшими изъ владѣтелей Дагестана, со времени утверждения власти Аравитянъ въ Прикаспійскомъ краѣ и назывались Валіями (императорами) Дагестана, титулъ, который сохранили и по сіе время. Власть Шамхала признавали всё ближайшія къ его владѣніямъ племена горцевъ, для удержанія коихъ въ покорности они всегда имѣли достаточно силы и средствъ; кромѣ собственныхъ доходовъ, они получали ежегодно суммы изъ казны Персидскаго Шаха.

Но когда русскіе проникли въ Дагестанъ, то Шамхалы, по географическому положенію своихъ владѣній, вынуждены были не только подчиниться имъ, но въ грозныхъ завоевателяхъ искать подпоры и защиты противъ горцевъ. Въ 1725 году, послѣ измѣны Адиль Гирей, достоинство Шамхала было уничтожено и хотя Надиръ-Шахъ снова возстановилъ его, оно на всегда утратило прежній вѣсъ и вліяніе между горцами и званіе Валія осталось номинальнымъ. Въ 1786 году Шамхалы вступили въ подданство Россіи и съ тѣхъ поръ сохранили непоколебимую вѣрность, за что Шамхаль Мехти-Ханъ получилъ чинъ генералъ-лейтенанта, саблю осыпанную дорогими камнями съ надписью: «за усердіе и вѣрность», знамя съ Императорскимъ орломъ, брилліантовое перо на шапку, какъ знакъ начальства и 6000 руб. ежегоднаго содержанія. Нынѣшній Шамхаль Мусселимъ-Ханъ въ 1849 году пожалованъ княземъ имперіи съ передачею этого титула изъ рода въ родъ, а въ 1856 году назначенъ генералъ-адъютантомъ.

(Окончаніе будетъ).

Гаварни.

25-го ноября 1866 года хоронили въ Парижѣ Гаварни. Процессія была изъ самыхъ скромныхъ и политическій міръ, занятый событиями болѣе крупными, почти не замѣтилъ отхода въ вѣчность человека въ высшей степени талантливаго и на столько оригинальнаго, что во всей исторіи живописи, у всѣхъ народовъ, нѣтъ лица способнаго, хотя сколько нибудь, носить имя двойника Гаварни. Не громадностью дарованія, — человечество насчитаетъ сотню другихъ, неизмѣримо болѣешихъ великановъ; не поражающимъ величіемъ замысловъ и ихъ выполненіемъ, — человечество богато и такими примѣрами, нѣтъ: исключительностью своего направленія и полувѣковой вѣрностью ему, вотъ чѣмъ отличается Гаварни отъ всѣхъ прочихъ, вотъ въ чемъ не имѣетъ онъ равнаго себѣ. Да позволить намъ читателю, въ возможно легкомъ очеркѣ, поставить передъ нимъ характеристику этого замѣчательнаго человека.

Родился Гаварни въ 1801 году, въ самомъ Парижѣ, и записанъ въ метрическую книгу подъ именемъ Сульпиція Павла Шевалье. Подъ этимъ именемъ неизвѣстенъ онъ никому. Настоящее имя его явилось такимъ образомъ: гораздо позже, послѣ первыхъ рисунковъ, пущенныхъ въ свѣтъ безъ подписи, издатель просилъ художника подписаться подъ своими произведеніями; публика, такъ говорилъ издатель, не любитъ безыменныхъ твореній. Дѣлать было нечего и художникъ подписался: Гаварни. Имя это принято имъ въ воспоминаніе пребыванія въ Пиренеяхъ: тамъ есть водопадъ «la Gavarie». Чѣмъ повліялъ водопадъ этотъ на судьбу нашего художника, что заставило художника предпочесть это имя всякому другому, осталось неизвѣстнымъ, — онъ измѣнилъ только женское оконча-

ніе въ мужское. Нескромно было бы поднимать эту завѣсу, тѣмъ болѣе, что это были самые молодые годы Гаварни, самое золотое время жизни его.

Недостаточность семьи и необходимость обезпечить будущность сына матеріальными трудами, побудили отца его предназначить сыну дорогу механика, геометра, землемера. Мальчикъ полюбилъ математику и съ того времени, во всю жизнь его, любовь эта неохладѣвала. Математическая точность въ выкладкахъ, чертежахъ и построеніяхъ приучила глаза художника къ той удивительной правильности рисунка человѣческаго тѣла въ самыхъ рѣзкихъ положеніяхъ, въ самыхъ дерзкихъ сокращеніяхъ (ракурсахъ) его, которая всегда отличала Гаварни. «Il eut le compas dans l'oeil» говоритъ о Гаварни его биографъ Сень-Бевъ (см. Univers Illustré 1866 и 1867 года) и это было такъ вѣрно, что позже, другая художническая знаменитость Франціи, Поль Делакроа, въ апогее своей славы, не гнушался срисовывать съ Гаварни, и на вопросъ: для чего онъ это дѣлаетъ, отвѣчалъ — «я учусь по этимъ рисункамъ». Фактъ этотъ находитъ объясненіе въ сродствѣ между Делакроа и Гаварни. Делакроа стоялъ тогда во главѣ романтическаго направленія и былъ врагомъ всякаго классицизма; Гаварни, подобно ему, признавалъ только реальное. Классическое образованіе и строгое академическое изученіе не были созданы для него; дитя жизни и опыта, онъ росъ внѣ школы и эта счастливая случайность сохранила всю самобытность его таланта, всю оригинальность его художнической личности.

По окончаніи школы молодой художникъ, въ качествѣ землемера, отправился въ Торбъ, городокъ департамента des Hautes Pyrenées, на берегахъ Адюра. Уже тогда, рука объ руку съ работами землемера, шла въ немъ другая работа и выяснялось настоящее призваніе живописца. На границѣ Франціи и Испаніи, въ романтической горной странѣ, рука и глазъ художника изощрились въ воспроизведеніи мѣстныхъ типовъ и сценъ. Красота одежды туземцевъ, ея смѣлость и краски, дали Гаварни возможность приучиться къ тому изяществу и разнообразію складокъ и драпировки, которые всегда и вездѣ отличали его работы. Въ 1828 (1829?) году возвратился онъ въ Парижъ и собственно съ этого времени вступилъ на свою настоящую дорогу. Красавецъ собой, 25 лѣтъ отъ роду, съ характеромъ пылкимъ и подвижнымъ, отдался онъ всецѣло разгулу парижской жизни и ея изученію.

Сотрудничество свое въ качествѣ рисовальщика началъ онъ съ журнала «la Mode», позже перешелъ въ редакцію «l'Artiste» и «la Silhouette». Шумному и гуляшному Парижу Гаварни сталъ извѣстенъ, прежде всего, какъ преобразователь моды и костюмовъ. 25 лѣтъ спустя, послѣ этого времени, одинъ изъ первыхъ портныхъ Парижа — «Humbert», говорилъ: «есть только одинъ человекъ, умѣющий сдѣлать фракъ — это Гаварни; вотъ фракъ прожившій четверть вѣка (сдѣланный по рисунку Гаварни), онъ и до сихъ поръ модный.» Въ этомъ сужденіи спеціалиста отражается тогдашнее значеніе художника. Да не подумаетъ читатель, что въ этихъ словахъ слышится приговоръ его мелочности и пустоты. Парижъ городъ помѣшанный на виѣшности; пробить себѣ дорогу можно только эффектомъ и обвинять въ этомъ нашего артиста совершенно неосновательно. Дѣло другаго рода, если-бы онъ остался стоять на этомъ, если-бы честный талантъ ограничился этою, самою пустою, мишурною стороною жизни — тогда, конечно, и говорить о немъ не стоило бы, тогда-бы Гаварни остался только куріозомъ въ исторіи искусства и не имѣлъ права на сочувствіе и память человечества. Читатель увидитъ что, къ счастью, это было не такъ, но въ 30-хъ годахъ Гаварни былъ не болѣе ни менѣе какъ законодателемъ моды. Онъ составлялъ и рисовалъ костюмы для первоклассныхъ актеровъ (для Déjazet, Mlle Georges, Carlotta Grisi и пр.); онъ сталъ во главѣ преобразователей карнавала и маскарадовъ и, если до него въ карнавалъ довольствовались костюмами, завѣщанными старою италіанскою комедіею: Полишинелемъ, Арлекиномъ и др. — съ его легкой руки зашевелился и разнообразился міръ масокъ и исключительно ему принадлежало изданіе этого милаго и воздушнаго костюма «дебардѣра», которымъ пользуемся и мы въ холодную пору нашихъ святокъ и костюмированныхъ вечеровъ. Созданіе новаго костюма фактъ мелкій самъ по себѣ, но пусть попробуютъ другіе создать что нибудь подобное и тогда только оцѣнится этотъ фактъ въ его настоящей трудности. Салонный успѣхъ Гаварни побудилъ его къ изданію болѣе серьезному: «Jou-

nal des gens du monde», но предпріятіе это рухнуло и главная причина неудачи лежала конечно въ самомъ художникѣ. Какъ человекъ мыслящій и наблюдательный, какъ истый художникъ, Гаварни не могъ остановиться на начатомъ. Не моды и платье человечества, но само человечество занимало его собою. Жизнь народа въ ея столичныхъ проявленіяхъ, съ ея пустотою и легкомысліемъ, съ ея наглостью и безсердечіемъ, съ ея подвижностью и жертвами, вотъ что согрѣвало нашего художника тѣмъ святымъ огнемъ, который не могъ довольствоваться работою въ модныхъ журналахъ, черезъ пальцы парижскихъ закройщиковъ и закройщицъ. Въ 1837 году характеръ дѣятельности Гаварни мѣняется. Глазъ и рука его, снабженные всею необходимою техническою подготовкою, готовы были служить дѣлу болѣе человѣчному, болѣе знаменательному. Не зная механическихъ трудностей рисовки, карандашъ его приобрѣлъ способность съ быстротою необычайною слѣдовать за мыслью его руководившею. Событія и столкновенія, обусловленные людьми всѣхъ сословій и возрастовъ, съ которыми встрѣчался Гаварни, давали обильную пищу содержанію работъ его и съ 1837 года почти до самой кончины художника создаетъ онъ и пускаетъ въ свѣтъ свои знаменитыя «Серіи» (Series) рисунковъ или карикатуръ, какъ неосновательно и голословно называютъ ихъ большинство.

Это была гениальная, плодотворная мысль вырывать глупость человѣческую по серіямъ. Серія такая-то «les Actrices», серія такая-то «les Invalides du Seretiments», еще серія: «Fourberies de femmes», «les Lorettes vieillies», «Clichy», «les Enfants terribles» и пр. и пр. и пр. Цѣльнаго каталога этого безсчетнаго числа серій, т. е. тетрадей съ рисунками Гаварни на ту или другую тему, къ несчастію не существуетъ. Попыткою въ этомъ родѣ можетъ служить перечень, приложенный къ серіи: «Masques et visages» (1857), — но перечень этотъ далеко не полонъ и глубокою неблагодарностью со стороны французовъ было-бы упустить время горячихъ слѣдовъ и потерять возможность полной эстетической характеристики для такой личности, какъ Гаварни. Даже приблизительной численности оставленныхъ имъ рисунковъ опредѣлить невозможно: по однимъ ихъ 10000, по другимъ число ихъ доходило до 100000!! Считать послѣднюю цифру невозможно, едва-ли есть достаточное основаніе. Быстрота работы Гаварни вошла въ пословицу; 35 лѣтъ работалъ онъ неустанно и неусыпно, добрые люди считали будто онъ работалъ по 18 часовъ въ день! При такихъ данныхъ 100000 рисунковъ являются цифрою достойною довѣрія, но принять ее за непогрѣшимую мы не имѣемъ никакого основанія.

(Окончаніе будетъ).

ПЕТЕЛЬОНЪ.

Петербургская жизнь.

Великопостныя въздыханія и размышленія. — Скандалъ и его важная роль въ русской жизни. — «Случай едва-ли встрѣчавшійся когда нибудь не только на сценѣ Маринскаго театра, но и вообще какой нибудь другой сценѣ.» Что онъ собою знаменуетъ? — Другіе случаи, похвѣе на этотъ. — Заключение.

«Съ послѣднимъ увлеченіемъ —
Конецъ всему,»

сказалъ г. Фетъ и я повторяю за нимъ, вспоминая, среди окружающей меня священной тишины поста, наши недавнія карнавальскія бѣснованія. «О мерзость запустѣнія, о бездна грѣховная», повторяю я, непрестанно бѣ себя въ грудь, — сколько силъ, данныхъ намъ на благо — растрчено втунѣ, сколько ночей — нами недоспано, сколько восторговъ израсходовано даромъ!...

Опомнимся. Благо теперь уже

«Замолкли вѣтерки, затихли птичекъ хоры
И прилегли стада» —

поклонниковъ всевозможныхъ кумировъ.

Попробуемъ лучше собраться съ мыслями, бросить взглядъ впередъ, осмотрѣться по сторонамъ и взглянуть назадъ. Что видимъ мы впереди? — Ничего не видимъ. Что видимъ мы кругомъ себя? — Все, что ни на есть самаго лучшаго. А назадъ? Неужели даже назадъ, за нами ничего не осталось пережитаго, но не додуманнаго, ничего такого, въ чемъ-бы намъ теперь слѣдовало принести публичное покаяніе, однимъ словомъ никакого скандала? — Нѣтъ, скандалы есть. Русская жизнь безъ скандаловъ немыслима, ими она только и красна.

бенно сильное развитіе во время засѣданій парижской конференціи, имѣвшей цѣлью разрѣшить мирнымъ путемъ турецко-греческую распрю. Народъ собирався на площадяхъ, въ кофейняхъ, въ лавкахъ, однимъ словомъ повсюду. Вездѣ только и слышны были разговоры о предстоящей войнѣ, которую большинство ожидало съ нетерпѣніемъ. Слухи, одни другихъ несообразнѣе, передавались за достовѣрныя извѣстія; въ одномъ мѣстѣ слышались разговоры объ ожидаемомъ вмѣшательствѣ Сѣвероамериканскихъ Союзныхъ Штатовъ въ пользу Греціи; слухъ этотъ сейчасъ же принималъ размѣры дѣйствительности; находился какой-нибудь морякъ, прибывшій въ Пирей на австрійскомъ суднѣ и рассказывавъ, что видѣлъ не въ далекомъ отъ Коринѳа нѣсколько кораблей подъ американскимъ флагомъ.

Въ другомъ мѣстѣ толковали о томъ, будто-бы въ Константинополѣ вспыхнуло возмущеніе; слышались рассказы о бомбардированіи Сиръ Гобартомъ Пашею, о переходѣ Омера-Паши черезъ границу, о возстаніи въ Малой Азіи, о началѣ войны между Турціей и Персією и тому подобное. Все это быстро облетало весь городъ; одни новости смѣнялись другими и такъ какъ ни одно изъ этихъ извѣстій не подтверждалось, то публика все болѣе и болѣе дѣлалась недовѣрчивою и наконецъ сдѣлалась почти равнодушною ко всѣмъ слухамъ и такъ называемымъ достовѣрнымъ извѣстіямъ. Наконецъ обнародованіе деклараціи парижской конференціи положило послѣдній конецъ всѣмъ разнорѣчивымъ толкамъ, хотя и не уменьшило общаго возбужденія.

Кіевъ, 26-го Февраля 1869 г.

Корресп. «Всем. Иллюстр.»

Вчерашній № «Кіевлянина» сообщаетъ, что собраніе кіевскихъ домовладѣльцевъ постановило открыть: подписку для собранія суммъ, изъ процентовъ которой будутъ учреждены двѣ стипендіи (одна въ С. Петербургскомъ Технологическомъ институтѣ, а другая въ Кіевскомъ университетѣ) въ ознаменованіе высокихъ гражданскихъ доблестей покойнаго графа А. А. Бобринскаго и его безкорыстнаго стремленія къ пользѣ и благу Россіи.

Нельзя искренно не пожелать, чтобы подписка эта состоялась, и чтобы могло бы быть приведено въ исполненіе постановленіе собранія кіевскихъ домовладѣльцевъ объ учрежденіи двухъ стипендій въ память графа А. А. Бобринскаго. Полезная дѣятельность графа была плодотворна для всей Россіи, для Кіевской же губерніи она имѣла столь громадное значеніе, что кіевлянамъ будетъ непростительно, если они не отнесутся сочувственно къ постановленію собранія кіевскихъ домовладѣльцевъ.

Въ настоящее время ни въ одной изъ губерній нашихъ свеклосахарная промышленность не процвѣтаетъ такъ, какъ въ Кіевской, ни въ одной нѣтъ столько большихъ, вполне хорошо устроенныхъ заводовъ. Одна Кіевская губернія производитъ поч-

Солонка, къ блюду нарисованному ниже.

ти болѣе половины потребляемаго у насъ въ Россіи сахара.

Свеклосахарное же производство Кіевской губерніи можно считать установившимся на твердой почвѣ съ 1838 года, когда графъ Бобринскій устроилъ

Директоръ Орловскаго сахарнаго завода (Кіевской губерніи) Вестинъ, говоря въ Journal des fabricants de sucre о значеніи графа Бобринскаго и замѣчая, что графъ для Россіи сдѣлалъ болѣе, чѣмъ Матье-де-Домбаль для Франціи, сознается, что если

Вестинъ и получилъ золотую медаль за русскій сахаръ на Парижской выставкѣ 1867г., то это единственно лишь благодаря тому обстоятельству, что сахара графа Бобринскаго не было на выставкѣ.

Графъ Бобринскій не жалѣлъ также издержекъ и на различные опыты и улучшенія производства, поэтому то свеклосахарное производство и обязано ему многими открытіями, изъ которыхъ мы скажемъ только нѣсколько словъ объ одномъ.

Графа очень озабочивала значительная потеря сока, которая происходитъ въ остаткахъ отъ прессованія растертой свекловицы. Поэтому онъ и нашелъ способъ довести эту потерю до возможнаго minimum'a, именно, вымачивая измельченные остатки въ особомъ соудѣ. Способъ этотъ оказался весьма практичнымъ и принятъ на многихъ заводахъ.

К-в-нъ.

Западная жизнь.

Смерть Ламартина. — Проснувшаяся Франція. — Горькая участь поэта гражданина. — Расточительность и ренегатство. — Книга Оливье. — Кто онъ: честолюбецъ или наивный разскащикъ? — Письмо Лабулэ къ избирателямъ. Фраза о «Suffrage universel». Странное противорѣчіе. — Пьеса Кларти: «Семейство Гезовъ». — Полемика о декорации. — *Mi-carême*. — «Редутъ» у княгини Меттернихъ. — Проектъ спича къ дамамъ high-life'a. — Президентъ Сената г. Тролонгъ. — Что вызываетъ его смерть?

Смерть воскрешаетъ живо погребенныхъ!... При полученіи извѣстія о томъ, что ея великій поэтъ и гражданинъ пересталъ существовать, Франція заново открыла его.

Ламартинъ «a cessé de se survivre», какъ выразился Эмиль де Жирарденъ въ передовой статьѣ изъ

Видъ, на которомъ была поднесена хлѣбъ-соль, отъ С.-Петербургскаго Городскаго общества, Ея Императорскому Высочеству Наслѣдницѣ Цесаревнѣ, при ея вѣздѣ въ Петербургъ въ 1866 г.

здѣсь два завода, и вызвавъ иностранныхъ техникувъ, поставилъ ихъ на одинаковый уровень съ заграничными заводами. При этомъ графъ не жалѣлъ издержекъ, и потому на его заводахъ были и техники, пользующіеся извѣстностью за границей. Такъ, Вальгоффъ, книга котораго «Der Practische Rübenzuckerfabrikant» принадлежитъ къ числу лучшихъ сочиненій по этому предмету въ Германіи, былъ также при заводахъ графа. Но графъ, какъ истинно русскій, въ вызовѣ иностранныхъ техникувъ ви-

Політична громадська сходка в Аленях.

Х. ДУРЕН

Скандалы — это страстная тревога — поэзия нашей жизни:

Скандалы! Как много въ этомъ словѣ
Для сердца русскаго слилось,
Какъ много въ немъ отозвалось!

Но ни одно изъ русскихъ сердецъ не откликается на него такъ чутко, такъ отзывчиво, какъ сердце фельетониста. Скандалъ для фельетониста это тоже, что покойникъ для гробовщика, процессъ для адвоката, сдѣлка для нотаріуса. Въ скандалѣ фельетонистъ находитъ главный смыслъ, *raison d'être*, своего существованія. Не будь въ нашей жизни дикобразныхъ явленій, или скандаловъ, и фельетонисты стали-бы не нужны или обратились въ сладкопѣвцевъ общественныхъ добродѣтелей или благочестивыхъ иноковъ Пименовъ.

Надъ которымъ же изъ скандаловъ остановимся мы и сосредоточимъ наше вниманіе. Разумѣется надъ ближайшимъ къ намъ по времени, надъ недавнѣйшимъ, но который въ тоже время будетъ и наикрупнѣйшимъ. Мы разумѣемъ происшествіе, случившееся въ Маринскомъ театрѣ, въ среду на масляной, на представленіи Жизни за Царя. Это случай, говоря словами одной газеты, «едва ли встрѣчавшійся когда нибудь не только на сценѣ Маринскаго театра, но и вообще на какой-либо другой сценѣ.»

Дѣло состоитъ въ слѣдующемъ:

Послѣ 1-й картины 4-го акта, при вызовахъ г-жи Лавровской, ей былъ поданъ капелмейстеромъ букетъ и подарокъ (браслетъ). Сначала артистка не приняла ни того ни другаго и при одномъ видѣ ихъ, убѣждала за кулисы, но потомъ взяла одинъ букетъ, а отъ подарка отказалась. Что это значитъ? отчего она не хочетъ принять подарка? спрашивала въ недоумѣніи публика и нѣкоторые (неблагоразумные) рѣшались объяснить это тѣмъ, что должно быть подарокъ ей не нравится; другіе же (разумные) протестовали противъ такого объясненія и справедливо замѣчали, что нельзя предполагать подобнаго мѣщанства въ такой большой артисткѣ; что всякій подарокъ дорогъ не своимъ достоинствомъ или цѣнностью, а выраженіемъ общественного вниманія и любви, что это такъ сказать только вещественный знакъ невещественныхъ отношеній; что и итальянцамъ подносить не особенно цѣнные вещи, сравнительно съ получаемыми ими содержаніемъ, такъ напр. про г. Кальцолари говорить, что онъ достаточно богатъ, имѣетъ самъ хорошее состояніе, а между тѣмъ ему были поднесены хотя и очень изысканныя вещи, но стоимость которыхъ не должна была превышать рублей 400, 500. Цѣна хотя и хорошая, но не настолько большая, чтобы подарокъ сталъ для г. Кальцолари особенно дорогъ своей монетной цѣнностью. Какъ ни велика цифра подношеній г-жѣ Патти, но сравнительно съ тѣмъ, что она получаетъ, подарки эти не должны казаться ей особенно драгоценными. Такимъ образомъ при подношеніяхъ дѣло вовсе не въ самомъ подаркѣ, а въ выраженіи общественного сочувствія къ артисту или къ артисткѣ, въ признаніи ихъ достоинствъ и заслугъ. Такъ понимаетъ это публика, такъ должны смотреть на это и уважающіе себя артисты. Слѣдовательно ясно, что не въ браслетѣ надо искать причины того, что г-жа Лавровская рѣшилась отказаться отъ общественной награды и мы упомянули объ этихъ толкахъ потому только, что они существовали и продолжали смущать публику до того самаго дня, когда, наконецъ, въ одной изъ газетъ появилось разъясненіе этого загадочнаго происшествія. Газета эта пришла въ восторгъ и умиленіе отъ поступка г-жи Лавровской, объясняя со словъ самой артистки, что она не приняла подарка потому, что получая за свое пѣніе жалованье отъ дирекціи, она никакихъ «годовыхъ» наградъ получать не хочетъ (слово «годовыхъ» мы здѣсь не понимаемъ), и что принять подарокъ она не можетъ потому, что это противорѣчитъ ея убѣжденіямъ. Кромѣ того мы узнаемъ еще, что предварительно этого объясненія, артистка, на увѣщанія режиссера принять подарокъ, отвѣчала: «пускай отгадуютъ голодающимъ.» Газета, изъ которой мы заимствуемъ эти свѣдѣнія, прибавляетъ къ нимъ свои комментаріи. Она находитъ, что «въ виду всякихъ подношеній, безпрестанно совершающихся на различныхъ сценахъ, — подношеній чисто по знакомству или за красоту, за канканъ и т. п. — въ виду той тысячной жертвы, которая поднесена въ бенефисъ г-жи Патти, отказъ г-жи Лавровской весьма знаменателенъ... Это маленький протестъ противъ меценатства, не далеко ушедшаго отъ екатерининскаго времени, когда дворянчики, сди-

рая послѣднее съ крестьянина, бросали къ ногамъ танцовщицы и пѣвицы кошельки съ золотомъ.» И далѣе газета прибавляетъ, что этотъ «поступокъ г-жи Лавровской заставляетъ столько-же любить и уважать ее, какъ женщину, сколько ее уже любили и уважали какъ артистку, потому что съ этихъ поръ мы видимъ въ ней талантъ, живущій нашею жизнью, нашими радостями и горемъ».

Признаемся откровенно, что это велерѣчивое объясненіе удовлетворило насъ очень мало. Попробуемъ поразобрать его немного. Дѣло стоитъ такъ: публика подноситъ г-жѣ Лавровской подарокъ, г-жа Лавровская подарка не принимаетъ и тѣмъ оскорбляетъ публику, а преимущественно ту часть ея, которая участвовала въ подношеніи. Что этого характера нельзя отнять отъ поступка г-жи Лавровской, чувствуетъ и самъ неловкій его истолкователь, называя его деликатно «маленькою невѣжливостью.» Что-же заставило г-жу Лавровскую рѣшиться на эту «маленькую невѣжливость?» Желаніе обратить цѣнность подарка въ пользу голодающихъ и тѣмъ носильно помочь послѣднимъ? Но развѣ этого нельзя было сдѣлать иначе, какъ цѣною «маленькой невѣжливости?» Никто не помѣшалъ-бы г-жѣ Лавровской, принявши подарокъ, обратить его въ деньги, а деньги передать голодающимъ; тогда и овцы были-бы сыты и волки (т. е. публика) цѣлы, т. е. не оскорблены. Далѣе мы узнаемъ, что «по окончаніи оперы, двое депутатовъ отъ общества подносившаго подарокъ, пришли на сцену *упрашивать* артистку принять подарокъ. Они говорили, что своимъ отказомъ она ихъ обижаетъ, что подарокъ этотъ просить принять на память отъ публики, *если артистка цѣнитъ ея вниманіе* — просили объяснить причину отказа... но и эти *упрашиванья* не привели ни къ чему.» Вся эта сцена *упрашиванья* верхъ совершенства по своей характерности, какъ черта современнаго общества и его развитія. Общество считаетъ себя оскорбленнымъ артисткой. Что-же оно дѣлаетъ? Оно отправляется къ артисткѣ въ лицѣ своихъ депутатовъ, чтобы расписаться въ полученіи обиды, подставиться подъ новыя оскорбленія и послѣ всего этого вымалываетъ хоть объясненіе, за что это поучаютъ его такъ строго и незаслуженно. Эти депутаты, умаливающіе принять отвергнутый подарокъ, живо напоминаютъ мнѣ одного господина, который, будучи обиженъ другимъ, обратился къ обидчику съ умильной просьбой извиниться передъ нимъ. «Ну, милый, голубчикъ», говорилъ онъ ему, «ну, что тебѣ стоитъ, ну, извинись передо мной. — Убѣрайся ты къ черту... Стану я передъ тобой извиняться.» отвѣчалъ ему тотъ. «Ну, извинись, ну пожалуйста, я все для тебя сдѣлаю.» Да, эта сцена за сценой Маринскаго театра полна высокаго комизма, c'est le sublime du ridicule. Передъ такимъ смиренномудрымъ обществомъ, дѣйствительно многое можно себя позволить.

Но въ чемъ же причина такого страннаго упорства со стороны г-жи Лавровской?

Невѣроятно, чтобы она не приняла подарка отъ публики потому только, что она получаетъ жалованье отъ дирекціи. Мы даже не видимъ между этой причиной и ея послѣдствіемъ никакой зависимости, никакой логической связи. Неужели г-жа Лавровская сама оцѣнила свой талантъ и трудъ ровно въ цифру получаемого ею содержанія; нашла, что жалованье совершенно ее вознаграждаетъ, а потому и не считаетъ себя вправе принять какъ артистка ни откуда ни одного лишняго сантима. Но поддается-ли талантъ и его заслуги такой точной развѣлкѣ и, съ другой стороны, неужели г-жа Лавровская отказалась бы отъ увеличенія жалованья, если бы сдѣлать это вздумалось дирекціи? Или только за одной дирекціей признаетъ она право цѣнить свое дарованіе?

Невѣроятно, чтобы г-жа Лавровская не приняла подарка только потому, что подарки эти подносятся часто незаслуженно или за такія заслуги, которые съ искуствомъ не имѣютъ ничего общаго. Это объясненіе не самой г-жи Лавровской, а ея адвоката. Невѣроятнымъ мы его назвали потому, что оно бессмысленно. По этому разсужденію, г-жа Лавровская должна еще съ большимъ презрѣніемъ относиться къ вызовамъ, аплодисментамъ и другимъ знакамъ одобренія, потому что они еще чаще подношеній достаются на долю бездарности или безстыдства. Послѣ этого ни что не мѣшаетъ ожидать, что при одномъ изъ вызововъ г-жи Лавровской, публика вмѣсто нея увидитъ режиссера, который объявитъ, что г-жа Лавровская «въ виду

того», что общество вознаграждаетъ вызовами и аплодисментами разныхъ бездарностей и канканныхъ дѣлъ мастерицъ, просить извинить ее отъ этихъ знаковъ одобренія, сидѣть смирно и слушать ее молча. Ручаемся, что эффектъ выйдетъ поразительный. Неужели адвокатъ г-жи Лавровской не понимаетъ, что тотъ-же самый человѣкъ, который, положимъ хоть вчера, залюбовался канканомъ, доступенъ сегодня высокому эстетическому наслажденію или иными словами, что человѣкъ способенъ отзываться на все, а возбуждается такъ или иначе, смотря по роду возбужденія. Слѣдовательно тѣ самыя руки, которыя хлопаютъ какой нибудь Финеттѣ, имѣютъ полное право аплодировать и г-жѣ Лавровской и обиднаго для нея тутъ нѣтъ ничего.

Въ этомъ объясненіи адвоката г-жи Лавровской есть одна фраза, на которой мы остановимся на минуту. Мы говоримъ объ слѣдующей: «въ виду той *тысячной* жертвы, которая должна быть поднесена сегодня въ бенефисъ г-жи Патти. отказъ г-жи Лавровской весьма знаменателенъ». Какъ досадно, что авторъ замѣтки не поясняетъ, что *знаменуетъ* этотъ отказъ и зачѣмъ здѣсь стоитъ слово «тысячной»; знаменуетъ-ли онъ упрекъ русской большой артистки обществу, упрекъ въ томъ, что это общество, готовое распространяться въ прахъ передъ всякой заѣзжей знаменитостью, и нести ей *тысячныя* жертвы, едва-едва вспомнила о своемъ родномъ талантѣ, калибра не меньшаго чѣмъ многія изъ иностранныхъ, и какъ-бы съ трудомъ собралось на принесеніе ей *скупого* выраженія своей благодарности. (Авторъ замѣтки долженъ согласиться, что мы даемъ наиприличнѣйшее толкованіе его неловкимъ словамъ). Но въ такомъ случаѣ зачѣмъ же за вину однихъ казнить другихъ? Не напоминаетъ-ли это сцены недавно минувшаго времени, когда за шалости барченка, чадолюбивые родители драли его дворовыхъ сверстниковъ, а сына заставляли смотрѣть и поучаться подъ наставительныя рѣчи? Чѣмъ виноваты цѣнители и поклонники прекраснаго таланта г-жи Лавровской въ бѣснованіяхъ одурѣлыхъ итальянцевъ? Равно, что общаго между — пахнувшимъ крестьянскимъ потомъ, кошелькомъ екатерининскаго мецената, бросаемымъ къ ногамъ танцовщицы и подаркомъ, подносимымъ отъ лица всего общества, своей высокоуважаемой и любимой артисткѣ, подарка къ тому-же *малоцѣннаго* въ денежномъ отношеніи, но драгоценнаго для всякой истинной артистки своимъ нравственнымъ значеніемъ? Что общаго между меценатами екатерининскаго времени и современной публикой Маринскаго театра? Немногія изъ лицъ, составляющихъ ее, считаютъ этихъ меценатовъ въ числѣ своихъ предковъ, но и сихъ потомковъ зачѣмъ-же казнить за грѣхи отцовъ?

Какой-же злой геній внушилъ г-жѣ Лавровской мысль сдѣлать эту непонятную и неловкую манифестацію и тѣмъ поставить себя въ непріятное положеніе лица, незаслуженно оскорбившаго тѣхъ, которые его любятъ и уважаютъ? Отчего г-жа Лавровская не приняла этого *незначительнаго* подарка и отказалась-ли она этимъ разъ на всегда отъ всякихъ подарковъ или отказъ ея относится только до настоящаго случая?

«Хитрый Эдипъ — разрѣши».

Въ одномъ согласны мы съ адвокатомъ г-жи Лавровской — это въ томъ, что поступокъ ея заслуженно можетъ быть названъ знаменательнымъ. Но что-же онъ знаменуетъ собой?

Знаменуетъ онъ собой, особенно въ совокупности съ аналогическими ему фактами, съ одной стороны — совершенную утрату отдѣльными личностями всякаго уваженія къ обществу и общественному мнѣнію, съ другой — потерю обществомъ чувства уваженія къ себѣ и сознаніе собственного достоинства. Живущее самыми мелкими и пошлыми интересами, лишенное всякаго высшаго стремленія и какой либо общей цѣли, исковеркавшееся и извѣрничавшееся на Прекрасныхъ Еленахъ сцены и жизни, готовое повергаться въ прахъ передъ чѣмъ попало, общество текущей минуты не слышитъ, не чувствуетъ или не понимаетъ наносимыхъ ему оскорбленій и въ отвѣтъ на нихъ только обтираетъ себѣ лицо, называя ихъ «Божьей росой». «Маленькая невѣжливость» нашего опернаго контралято стоитъ не одинокимъ фактомъ. Поступокъ г-жи Лавровской приводитъ на память выходки другихъ артистокъ и артистовъ, совершенно одинаковыя съ нимъ по смыслу.

Вспомнимъ хоть-бы недавній скандалъ въ артистическомъ клубѣ съ г-жею Читаю. Послѣдней вздумалось угощать публику чтеніемъ «Записокъ Су-

наследства», Гоголя. Публика не выдержала такого чуждого и довольно — вѣжливо и остроумно (аплодисментами нехотят) дала понять артистѣ, что ей надо было слушать невнятное чтеніе всѣмъ хорошо извѣстнаго произведенія. Г-жа Читау покинула эстраду. Казалось-бы тутъ и конецъ дѣлу. Артистѣ оставалось только сознаться внутренно въ недовѣрчивомъ выборѣ и принять къ свѣдѣнію этотъ промахъ. При слѣдующемъ выходѣ, публика, навѣрное, встрѣтила бы ее своей обычной привѣтливостью. На дѣлѣ вышло не то. Публику (о, невинность!) кому-то удалось убѣдить, что она провинилась передъ г-жей Читау и что ей надо выразить свое извиненіе передъ ней вызовами. И вотъ г-жа Читау снова появляется передъ обществомъ, на этотъ разъ для того, чтобы «оборвать» или выругать его въ лицо, расплакаться, чуть-чуть не раскричаться; однимъ словомъ, *дѣлаетъ* обществу *сцену*.

Что же общество? Да, разумеется ничего.

Скажите, пожалуйста, далеко-ли отстоитъ этотъ фактъ отъ слѣдующаго происшествія, о которомъ въ свое время упомянули газеты. Дѣйствіе происходитъ въ знаменитомъ театрѣ Берга. Одну безголосую и неспособную дебютантку публика ошкарла; та уходитъ со сцены; но чрезъ нѣсколько минутъ появляется снова въ сопровожденіи артистки, завоевавшей уже себѣ положеніе на «народномъ театрѣ» Берга и публика явственно слышитъ, какъ эта послѣдняя поощряетъ провалившуюся дебютантку такими словами, (сказанными на чистѣйшемъ французскомъ языкѣ): «Пой, мое дитя, пой, не слушай этихъ дураковъ».

Что же дѣлаетъ «дураки»? Ничего. Спокойно слушаютъ безголосое дитя.

Идя все crescendo, память доходитъ до знаменитаго нѣмца-машиниста того товарнаго поѣзда, который наскочивъ на пассажирскій, высказавъ, въ лицо перепуганному и разгнѣванному обществу пассажировъ, что если бы онъ и всѣмъ имъ головы пересломалъ, то это ничего не значило-бы, ибо онъ прусскій подданный.

Но предѣль-ли и это?

Всѣ приведенные нами случаи одинаково «знаменательны». Всѣ они отлично годятся быть знаменіями времени и той степени самосознанія и развитія, на которой стоитъ общество.

Столѣтіями идетъ общественный ростъ и видоизмѣняются нравственные отправленія общественнаго организма. Столѣтіями же только оправляется и оздоравливается общество отъ тѣхъ болѣзней или аномалій, которыя къ нему привьются. Условія, которыя породили какія нибудь дикія явленія, могутъ измѣниться, а явленія, порожденные этими прошедшими условіями, будутъ продолжать существовать, измѣняясь только по формѣ, но сохраняя свой смыслъ. Наше знаменитое и дикое «нраву моему не препятствуй» не стало ничуть лучше оттого, что оно практикуется не какимъ нибудь безобразнающимъ купцомъ, а членами артистическаго міра или «цивилизованными» иностранцами. Даже напротивъ — такое вторженіе девицы зазнавшейся личности и формулы самодурства въ ту сферу, за лицами которой привыкли признавать преимущество передъ другими въ развитіи и тактѣ, — особенно печально.

Но, что же дѣлать; нельзя винить очень строго отдѣльныя личности за грѣхи всѣхъ. Отношенія лица и общества взаимно опредѣляются. Нельзя требовать большаго почтенія со стороны отдѣльных лицъ къ тому обществу, которое, по видимому, еще не доросло до понятія чести, принадлежащей, ему, обществу, какъ коллективной личности и до сознанія, что оно обязано блюсти эту честь отъ оскорбленій со стороны кого бы то ни было.

Парижскіе «Café concerts».

Около тридцати-пяти лѣтъ тому назадъ существовалъ въ Парижѣ небольшой театръ г-жи Сакки. Дѣла его шли дурно и предпринимателямъ пришла совершенно новая мысль преобразовать его. Предположено было сдѣлать изъ залы его ресторана и входъ назначить бесплатный, но съ условіемъ, чтобы всякій входившій выпивалъ или съѣдалъ что нибудь; за это имѣлъ онъ возможность любоваться небольшими фарсами, разыгрывавшимися передъ нимъ на сценѣ, слушать пѣсни и видѣть фокусы. Само собою разумеется, что бесплатность входа была только кажущаяся: предприниматели получали свое съ увеличенной цѣны потребляемыхъ напитковъ и яствъ. На переборъ ожиданій, пред-

пріятіе съ театромъ Сакки не удалось и первый опытъ перенесенія «café-concerts» на парижскую почву не удался. Мы говоримъ «перенесенія» на томъ основаніи, что въ Лондонѣ тѣ же самыя предпріятія, извѣстныя подъ именемъ «Music-halls», давнымъ давно процвѣтали. Первая неудача въ Парижѣ только задержала развитіе новой идеи, но не убила ее и въ настоящее время по всей Франціи, отъ Марсели до Нанта и Руана «café-concerts» существуютъ повсюду и отлично обдѣлываютъ свои дѣла. Само собою разумеется, что великолѣпіе помѣщеній и доброкачественность пѣвцовъ и пѣвицъ являющихся въ нихъ, весьма разнообразны. Сотни людей пытавшихся проложить себѣ дорогу къ сценической славы и недостигнувшихъ цѣли, какъ по недостатку таланта, такъ и по обстоятельствамъ случайнымъ, находятъ выгодную практику въ этихъ безсчетныхъ сафѣ. Для этихъ сафѣ родился и постоянно развивается свой самобытный репертуаръ, своя отдѣльная литература. Кто не слыхалъ о «Mlle Therese», проложившей себѣ дорогу въ салоны Тюильери какими нибудь двадцатью съ шикомъ пропѣтыми пѣсенками? Кто не знаетъ, что имя компониста Густава Надѣ составилось и окрѣпло передъ публикою парижскихъ «café-concerts»? Каждый годъ приносить съ собою на подмостки того или другаго сафѣ какую нибудь новую знаменитость, производящую фуроръ (хотя бы только въ своемъ кварталѣ) и исчезающую вдругъ и незамѣтно, такъ точно какъ она появилась.

Оно удобно и недорого убить вечеръ въ подобномъ заведеніи. Туда можно пойти цѣлымъ обществомъ, занять два или три стола, поставить передъ собою чашку шоколаду или бутылку вина и вести оживленный разговоръ со своими собесѣдниками, прерывая его отъ поры до времени, при появленіи на подмосткахъ той или другой личности, аплодируя ей, или шикая, по желанію. Для жаркихъ лѣтнихъ вечеровъ существуютъ «café-concerts» на открытомъ воздухѣ; — ихъ цѣлыхъ три въ однихъ Елисейскихъ поляхъ. Для зимы существуютъ другіе, по всѣмъ угламъ Парижа, преимущественно на бульварахъ. Нѣкоторые изъ нихъ мелки и грязны, другіе-же, напротивъ того, поражаютъ своимъ богатствомъ и колоссальностью. Замѣчательнѣйшихъ изъ нихъ три: «Eldorado», «Alcazar» и «Ba-Ta-Clan». Мы позволяемъ себѣ представить читателю послѣдній изъ нихъ.

«Ba-Ta-Clan», построенъ на бульварѣ Принца Евгенія и составляетъ одно изъ лучшихъ, хотя и странныхъ произведеній архитектора Карла Дювала. Построенъ онъ какъ будто въ китайскомъ стилѣ. Драконы рисованные и драконы изваянные, колонки, ложи и балконы, веранды и террасы, все это перемѣшивается хаотически и представляетъ въ общемъ впечатлѣніе самое живое, самое пестрое. Контрасты наиболѣе враждебныхъ красокъ, рѣзкая борьба густыхъ тѣней, залегающихъ въ углубленіяхъ и щеляхъ рѣзныхъ работъ, съ яркимъ свѣтомъ обильной позолоты и все это подъ смѣлымъ потолкомъ, накрывающимъ пространство, способное вмѣстить болѣе 3.000 человекъ, не можетъ не произвести впечатлѣнія. Этому не мало способствуютъ и рисунки изъ китайской жизни, разбѣянные по стѣнамъ. На одной изъ сторонъ залы помѣщается сцена, украшенная пагодами, пальмами и идолами. Три особенности рѣзко бросаются въ глаза при входѣ въ залу. Во первыхъ: сама сцена закрыта отъ зрителей не занавѣсомъ, а огромнымъ вѣеромъ, распускающимся изъ-подъ полу. Во вторыхъ: по бокамъ сцены помѣщены два фонтана, вода которыхъ окрашивается въ желтый и синій цвѣта, для напоминанія объ обѣихъ рѣкахъ Средняго имперія. Въ третьихъ: освѣщеніе залы (доставляемое днемъ 20 круглыми окнами — *oeils de boeuf*) производится не люстрами и не сквозь стеклянный потолокъ, а посредствомъ громадныхъ свѣтовыхъ гирляндъ, спускающихся изъ центра потолка къ мѣстамъ 2-го яруса (см. рисунокъ). Эта послѣдняя особенность придаетъ всему фантастическій, оригинальный видъ и не мало послужила тому, чтобы сдѣлать «Ba-Ta-Clan», въ весьма короткое время, однимъ изъ наиболѣе посѣщаемыхъ мѣстъ увеселеній.

Отдавая справедливость предприимчивости французовъ (Ba-Ta-Clan дѣло компани, какъ и большинство подобныхъ сафѣ), всякій путешественникъ разочаровывается въ первомъ впечатлѣніи своемъ вслѣдъ за поднятіемъ занавѣса. Артисты-пѣвцы, всѣ безъ исключенія, положительно не имѣютъ голосовъ. Это тоже шипѣніе и карканье гордовыми звуками, которое такъ хорошо извѣстно нашей излеровской публикѣ и посетителямъ Берга въ

примадоннахъ этихъ чистилищъ. Это все тоже канканированье плечами, ногами и глазами, которое доставляетъ такое неописанное наслажденіе, тѣмъ-же излеровцамъ, слѣдствіемъ котораго бываетъ лишняя выпитая бутылка и до срока опустошенный кошелекъ. Звучная и трещащая пѣсенка вродѣ «Femme à barbe», «Gardeuse d'ours» и т. п. вызываетъ дружныя рукоплесканія. Время идетъ незамѣтно... При случаѣ можно завести удачное знакомство съ черноокою французенкою... и все это почти за ту же цѣну, что стоитъ бутылка вина или чашка кофе въ любомъ ресторанѣ? Отчего же не пойти въ «Ba-Ta-Clan»? На завтра въ «Alcazar», потомъ въ «Eldorado», а также въ «Géant» и пр. и пр. И все это за гроши, какъ подумаешь! Пѣсни слушать, женщинъ и великана смотрѣть, пить вино, читать газету и съ друзьями бесѣдовать! развѣ это не отличное средство убить вечеръ, особенно для тѣхъ, для кого и самый день былъ мертворожденнымъ, какъ напримеръ для русскихъ, проживающихъ въ Парижѣ?

Успѣхъ «café-concerts» во Франціи и Англіи породилъ подобныя-же учрежденія и въ Германіи, только у нѣмцевъ нѣтъ того великолѣпія обстановки. Въ нѣмецкомъ сафѣ зачастую видишь цѣлыя семейства, разсѣвшіяся у столовъ: матери вяжутъ чулки, дочери штопаютъ чулки, мужья пьютъ пиво, дѣти зѣваютъ. Намъ довелось видѣть даже русскихъ барынь, сидящихъ на Брелевой терассѣ, въ Дрезденѣ и вяжущихъ чулки. Во время прусско-австрійской кампаніи, эти русскія барыни сидѣли на той-же терассѣ и щипали корпию для раненыхъ. Не будь этого дрезденскаго сафѣ — меньше было бы нащипано корпии; вотъ она настоящая-то связь между историческими событіями. С.

УСПѢХИ ЦИВИЛИЗАЦИИ И НАУКЪ.

Путешествія.

— Переговоры и приготовленія ко второй германской экспедиціи по сѣверному полюсу идутъ весьма успѣшно. Перестройка яхты «Гренландія» въ 60-ти ластовый винтовой пароходъ въ 30 силъ, уже дѣло вполне рѣшенное и начнется на дняхъ на одной бременской верфи. Одинъ бременскій торговый домъ беретъ на себя веденіе всѣхъ дѣлъ по этому предпріятію.

Географія.

— Одна изъ самыхъ большихъ рѣкъ Китайской имперіи, Гоанго, перенесла свое устье на 500 миль далѣе къ сѣверу и притомъ перемѣна устья такая полная, что по прежнему устью можно пройти пѣшкомъ не замочивши ногъ. Рѣка нѣсколько разъ уже мѣняла свое русло и какъ кажется теперь снова возвратилась къ своему руслу въ сѣверной части Шамтунгской возвышенности.

Автоматъ-наборщикъ.

Парижскій корреспондентъ «Голоса», г. Щербанъ, извѣщаетъ о чрезвычайно остроумной наборной машинѣ, изобрѣтенной гг. Осиповымъ и Клягининскимъ. Машина эта, если и не получитъ практическаго приложенія, то на всегда останется памятникомъ машинѣ, въ которой работа, считавшаяся до селѣ разумной, выполняется механически. Вотъ какъ г. Щербанъ описываетъ эту машину:

Представьте себѣ станокъ съ наклонною плоскостью, раздѣленною въ ширину, на нѣсколько десятковъ узенькихъ жолобковъ, расположенныхъ непосредственно одинъ возлѣ другаго и наполненныхъ большими и прописными буквами, знаками препинанія и другимъ матеріаломъ набора, словомъ, шрифтомъ. Это — типографская касса. Передъ кассою — мѣдный валикъ, во всю ея длину и въ уровень съ нижнимъ краемъ наклонной плоскости. На валикѣ — нѣчто въ родѣ руки, небольшой ящикъ съ крючками или щупальцами, какъ бы пальцами. Валикъ подвигается, придвигается къ кассѣ и отодвигается отъ нея. Надѣтая на него, тоже металлическая, ручка ходитъ по нему взадъ и впередъ. Съ лѣвой стороны кассы, вверху, особый аппаратъ для рукописи, «электро-базатель», какъ называютъ его изобрѣтатели; съ правой колесо и рукоятка, приводящая машину въ движеніе. Одинъ изъ изобрѣтателей беретъ за рукоятку и вертитъ ее — смотритъ: «электро-базатель» положительно читаетъ рукопись, посылаетъ приказъ валику и ручкѣ, валикъ по сигналу приближается къ кассѣ, ручка живо хватается одну букву и несетъ ее въ особый жолобокъ, гдѣ составляется строка; другую, третью, и т. д., пока строчка не составлена въ форматѣ, опредѣленномъ для нея передъ приводомъ машины въ движеніе. Тогда она проваливается сама собою, или, правильнѣе, легко спускается въ помѣщенную подъ строчковымъ жолобкомъ форму, тоже опредѣленную заранее формата. Ручка, между тѣмъ, продолжаетъ свою работу. Или, по новому сигналу «электро-базателя», слѣдующее приказаніе и въ порядкѣ его указаній, начинается развертывать набранную строчку: какъ передъ тѣмъ носила буквы изъ жолобковъ въ строчку, такъ теперь беретъ ихъ и относитъ изъ строчки обратно въ жолобки...

Жолобки кассы, въ которыхъ помѣщаются буквы, перемѣнены особыми круглыми знаками, соответствующими

данным буквам. Тѣ же знаки вѣзаны въ мѣдный валикъ, по которому двигается ручка. Рукопись, съ которой производится наборъ, прежде всего переводится съ обыкновеннаго алфавита на тѣ же знаки, комбинированные на семи линейкахъ по формулѣ ньютона бинома. Для работы, рукопись является въ формѣ длинной бумажной ленты, на которую текетъ переведенъ въ значкахъ посредствомъ небольшого аппарата, похожаго на телеграфный, и, притомъ въ видѣ круглыхъ отверстій. Лента подкладывается подъ «электросоздатель», состояющій главную часть машины и состоящій изъ двухъ частей, предназначенныхъ, одна — для осязанія рукописи, другая — для отыскиванія соответствующихъ тексту знаковъ, которыми перемѣнены жолоби кассы. Ручка, которая двигается по валику посредствомъ винта, снабжена семью металлическими шпальцами, надавливающими валикъ посерединѣ линий, гдѣ изображены знаки (потому что и на валикѣ знаки расположены по семи линейкамъ). Эти шпальцы, посредствомъ изолированныхъ металлических шнурковъ, соединены съ подобными же шпальцами, давящими на знаки рукописи. Рукопись, или лента, помещается на металлическомъ цилиндрѣ, который соединенъ съ отрицательнымъ полюсомъ гальванической батареи, тогда какъ металлическій цилиндръ кассовыхъ значковъ соединенъ съ положительнымъ полюсомъ.

Фасадъ концертнаго кофѣ „Ба-Такланъ“.

жильнымъ ея полюсомъ. «Электро-связатель» читаетъ рукопись, т. е. вырѣзанные по лентѣ знаки, какъ слѣпой, ощущая, и по ощущенію посылаетъ всей машинѣ свою команду. Когда машинѣ пушца, гальваническій токъ, проходящій черезъ систему проводниковъ и не проводниковъ, между щупальцами, давящими на рукопись, и другими, касающимися знаковъ на самой машинѣ, намагничиваетъ электро-магниты, предназначенные для остановки винта, приводящаго въ движеніе ручку—когда щупальцы, давящіе на касовые знаки, касаются несоотвѣствующихъ имъ вырѣзкамъ ленты; когда же подъ щупальцами кассы и щупальцами рукописи совпадаютъ знаки одинаковые—электро-магниты размагничиваются, винтъ останавливается, и вмѣстѣ съ тѣмъ, ручка, притомъ, они останавливаются именно передъ тѣмъ жолобкомъ кассы, котораго букву требуетъ рукопись; валикъ, приводимый въ движеніе общимъ движеніемъ машины посредствомъ рукоятки или паровъ, подноситъ ручку къ жолобку, она беретъ букву своими щупальцами, и т. д. идетъ наборъ безостановочно и быстро...

Машина, по словам г. Щербаня, изготовлена в мастерских г. Дюмюлонг-Фромана (Dumulon - Froment, rue Notre Dame des Champs 85), по заказу изобретателей, где теперь и работает.

ПО ПРИНЯТИИ

МЕКЛЕНБУРГА ВЪ СОСТАВЪ СЪВЕРО-ГЕРМАНСКАГО
ТАМОЖЕННАГО СОЮЗА

принимаетъ заказы изъ Россіи

Чугунно - литейный, механический и парокотельный
заводъ,

T A K K E

Корабельная верфь для желѣзныхъ пароходовъ и парусныхъ судовъ

А. ТИШБЕЙНЪ въ Ростокѣ.

(Заводъ основанъ въ 1851 году).

Всѣ работы, относящіяся къ механическому производству, исполняются тщательно. Заводъ соединенъ патентованнымъ спускомъ къ докамъ въ 400 футовъ длины.

Жители всех городов России, кромѣ С.-Петербурга, желающіе купить этушвей-
ную машину, или же принять на себя агентуру оной въ большихъ городахъ, благо-
волятъ обращаться къ единственному по всей Россіи агенту компаніи Виль-
кокса и Гиббса, **Ж. ВЛОКУ**, въ Москву, на Кузнецкомъ мосту въ домъ князя
Голицына.

Тамъ же имѣется всѣмъ извѣстная швейная машина Гауе младшаго и выборъ матеріаловъ для швейныхъ машинъ.

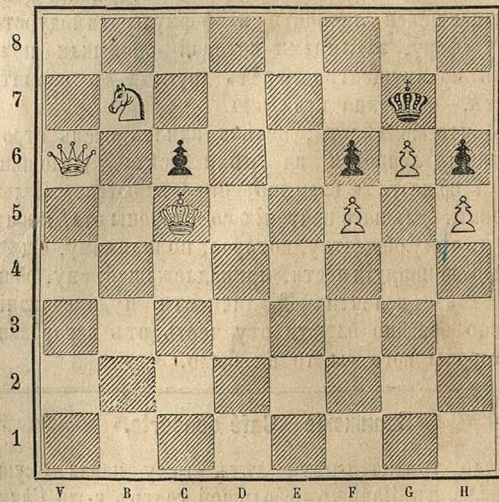
«Образованная дама, ищетъ мѣсто компаніонки или для занятій въ конторахъ. Узнати въ конторѣ Редакціи «Весмір. Іллюстраціи»».

Двѣ дѣвицы иѣмки ищутъ мѣсто напосѣкъ въ С.-Петербурѣ или въ внутрен. Россіи. Проситъ адресовать (Franko) подл. лит. №. С. 259. Чрезъ Агентство Газетный и Фотскеръ въ Лейпцигъ, въ Саксоніи. (Haaenstein & Vogler, Leipzig).

ШАХМАТНАЯ ЗАДАЧА № 7.

И. С. ШУМОВА.

Черные.

Бѣлые начинаютъ и дѣлають матъ въ 3 хода.

Рѣшеніе задачи № 5.

Бѣлые.

1. e4—g3

2. $h_4 - f_4 +$

3. аз — еб мать —

2. . . . .

3. 14—д6 МАТЬ—

1. . . . .
2. 64 67 1

2. $a^7 - d^6$ МАТЪ =

Черные.

a8--d5 (A).

e5—f4 (B).

20

е5 — е6 или

25 26

e6--d5.

60--45.